

С·ВОЛКОВ

Пастыри

Четвертый поход

СТАР ФАНТЕЗИ

Сергей Юрьевич Волков
Четвертый поход
Серия «Пастыри», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165630

С. Волков. Пастыри. Пастыри. Четвертый поход: Олма Медиа Групп; Москва; 2008
ISBN 978-5-373-00556-2

Аннотация

Два десятка лет назад группа мальчишек-авантюристов вздумала поймать опасного маньяка, орудующего в окрестностях Средневожска. Праведное дело окончилось тем, что одного из мстителей, Сережу Рыкова, маньяк схватил сам. После пережитого потрясения Сережа полгода находился в состоянии помраченного сознания, но выздоровел.

Бывшая любовница местного криминального авторитета, совершая большой приворот на удачу в жизни, принесла в жертву маленького белого кролика, опустив его в заброшенный колодец на окраине Средневожска. Зловещий колодец принял жертву, и могущественные силы пришли в движение...

Вопросы, загадки, тайны... Ничем не примечательный Средневожск становится странным городом.

Но и в Москве бурлит тайная жизнь. Илья Привалов узнает о существовании потайных убежищ Хтоноса под землей, в том числе и под Москвой.

Древние создания возвращаются к жизни. Грядет великая битва, и у людей уже нет выбора – чью сторону принять.

Содержание

Пролог	5
Глава первая	16
Глава вторая	28
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Сергей Волков

Пастыри. Четвертый поход

*...Принося жертву, помню:
демонам дня – черных,
демонам ночи – белых.*
«Ключ Соломона»

Автор выражает благодарность жителям города Средневожска за мужество и терпение.

Пролог

Над миром – шепот...

Он легким ветерком струится меж ночных облаков, он паутинками скользит среди голых осенних деревьев, он струйками ледяной воды просачивается сквозь песок и глину.

Он не слышен Слышащим, он не виден Видящим, он не замечен Знающим...

Мохнатый, Скользящая, Одноглазый! Дети мои! К вам взываю, откликнитесь...

Великая, возвращенье твое – благая весть для всех. Готов услужить, приказывай, о Великая...

Большуха, развеяй тоску, мочи нет. Жду не дождусь. Приказывай, Большуха!

Хозяйка, слово твое – радость, слово твое – жизнь и смерть. Пора, застоялись кони. Жду, приказывай, Хозяйка!

Дети мои, грядет Четвертый поход! Долго готовила я кушанье, пора с огня снимать. Слушайте же и берегите слова мои, ибо не повторю я их дважды...

Мохнатый, ты найдешь Сосуд. По ветру чуй, по звездам следи, по людям ступай – не промахнись! Сосуд надобен тонкий да звонкий.

Повелеваю – восстань!

Да, Великая...

Скользящая, тебя ждет Колодец. Пробуди его, оживи. Терпи крепко, держи верно, топчи время, как умеешь. На тебя надеюсь.

Повелеваю – восстань!

Лад, Большуха...

Одноглазый, твое дело трудное. К тебе человек придет. Силен, да не могуч, ловок, да не верток, смел, да не отважен. Стань ему огнем перед глазами, стань ему дорогой под ногами, стань ему ветром в парусе. Ночь его – день твой. Он Иглу сыскать должен, Наперсток отбить, Ножницы вернуть. Тебе вверяю.

Повелеваю – восстань!

Слушаюсь, Хозяйка...

Прошелестело, просвистело, прожурчало так – и вновь тишина окутала землю. Не шелохнулись колдовские огни в башнях Тауэра, не зарыбились чародейные чаши на столах Неспящих, не дрогнули стрелки в хитроумных весах Стерегающих.

Проспали сторожа. И псы их проспали...

* * *

– Суженый мой, ряженный, появись! Суженый мой, ряженный, покажись!

Бормотание рыжей Светки Щукиной, отправившейся к гадалке за компанию с Ритой, становилось все тише и тише. Зеркальный коридор, в который ей предстояло заглянуть, напугал девушку, и она замолчала.

Свечи, горевшие ровным, сильным пламенем, вдруг затрещали, разбрызгивая искры, и изломанные тени задержались по стенам комнаты.

– Видишь, девонька, как огонь-то скачет! – многозначительно подняла скрюченный палец баба Злата. – Знак это! Спешит, спешит к тебе милый твой. Коли ручку позолотишь, и имя его узнаем.

Рита досадливо вздохнула... Ну Светуля, ну подруга... Снова подсунула шарлатанку. Знак, что подали свечи, делается просто: на каждой рисуется подсолнечным маслом ободок. Догорела свеча до ободка – и затрещало, заплясало пламя...

Баба Злата была уже пятой гадалкой, к которой ходила Рита. Везде одно и то же. Просьба «позолотить ручку» и обещание скорого замужества. Гадание, приворотные заговоры, травы, ворожба – все стало товаром, за все надо было платить, причем безо всякой гарантии...

«Удавиться, что ли?» – одеваясь в тесной прихожей, пропахшей старой обувью и пылью, подумала Рита. Из серого облупившегося зеркала, висевшего возле двери, на нее посмотрела высокая стройная девушка с густыми русыми волосами. Приятный овал лица, румянец на щеках, тоненькие аккуратные брови, точеный носик. Пожалуй, рот несколько великоват, но это сейчас даже модно...

Все портили глаза. Вроде и большие, и с восточной изюминкой... Но плескались в них такая вселенская тоска, такое обреченное равнодушие, что Рите захотелось разбить грязное стекло.

Еле сдержавшись, она хлопнула разбухшей дверью и выскользнула в душный, пропахший помойкой подъезд.

На лестничной площадке курили двое парней лет двадцати. Кожаные куртки, норковые шапки, спортивные штаны – все как положено.

– Эй, красавица, поедem покатаемcя! – едва взглянув на Риту, оскалился тот, что повыше.

Второй что-то зашептал ему на ухо, изредка поглядывая на девушку. Пока парни шушукались, Рита процокала каблучками по лестнице и уже внизу услышала раздраженный голос высокого:

– Да хрен ли, что с Абаем трахалась! Сучка, строит из себя...

«Замуж. Срочно. И уехать!» – сказала себе Рита и с ненавистью всем телом толкнула тяжелую подъездную дверь...

* * *

Рита хотела замуж давно.

Но!

Ей нужен был не просто мужик, с которым можно коротать дни, деля заботы и постель. Таких, с ее-то внешностью, она и в небазарный день за два «у.е.» авоську насобирает в полчаса.

Нет, Рите требовался не столько муж, сколько билет. Желательно, на самолет, но и железнодорожный в вагон СВ тоже сойдет, не герцогиня.

Она понимала, что в двадцать один год, не имея никакого другого образования, кроме незаконченного Средневолжского радиомеханического техникума, безработная девушка может покинуть этот город только двумя путями: или отправившись с вербовщицей путанить в столицу, или удачно выйдя замуж...

Раньше, в те чудные и безнадежно светлые времена, о которых сама Рита почти ничего не помнила по причине малолетства, мама рассказывала с неохотной тоской, а бабушка – с искренним восторгом, таких проблем не было.

По их словам, тогда и в Средневолжске жизнь никому не казалась навечно застывшим кошмаром, да и люди были другими...

Все изменилось, впрочем, как и везде в начале девяностых. Одно за другим закрылись по причине банкротства швейная фабрика, завод железобетонных изделий, механический завод, обувной цех и даже районное ЛТП. Приборный завод, краса и гордость Средневолжска, кое-как удержался на плаву, но из пятитысячного коллектива четыре с половиной тысячи работников оказались, в лучших традициях мира чистогана, на улице.

Город замер. Это Рита уже помнила – как одну длиннющую, нескончаемую ночь. Не горели фонари, не светились окна домов, выла в железных заборах метель, и судорожно дергались напоминающие розги голые ветви тополей.

Ветер перемен высек город, и он, как нашкодивший выпоротый ребенок, уснул, всхлиывая во сне...

Средневожцы, впав в некое летаргическое оцепенение, выхода из безнадёжной ситуации и не искали – он нашелся сам собой. Наиболее активные умотали куда глаза глядят, женщины потянулись на городской базар продавать то, что не успели пропить мужья, а те в свою очередь радостно погрузились в пучину алкогольной депрессии, разбодяживая спирт «Рояль» водой из-под крана и закусывая полученный коктейль вяленой воблой, с которой, слава богу, в приволжском городе проблем не было.

На этом радостном и оптимистичном фоне и прошло Ритино детство...

Впрочем, у нее все же было одно воспоминание из той, другой жизни. Их, первоклашек, собрали в ясный сентябрьский денек на Чапаевской горке. Бездонное голубое небо над головами, бескрайняя волжская синь внизу.

– Смотрите, ребята! – сказал тогда директор школы Иван Николаевич, обводя рукой окрест. – Это наша Родина! Вон там, на севере, лежит прекрасный город Ульяновск, а за ним – Казань, Горький, Киров. А на юге, за Жигулевскими горами, – Куйбышев, Тольятти, Саратов, Астрахань. Если вы посмотрите на запад, то за густыми лесами, за Пензой и Рязанью, гордо вспыхнут звезды на башнях Кремля. Там наша столица, Москва. Если же обернуться на восток, то там Уфа и Оренбург, Уральские горы и Сибирь.

Наша Родина велика и необъятна! Но сердце ее здесь, у нас...

Директор еще что-то говорил про трудолюбивый, умный, добрый и талантливый народ страны Советов, а маленькая Рита, встав на цыпочки, вертела головой и вглядывалась в бескрайние просторы, словно и впрямь надеялась разглядеть за сизой заволжской дымкой кремлевские звезды, синюю цепочку гор на востоке и необъятное таежное море за ними.

Тогда ей казалось, что мир огромен, бескраен и она живет в самой его середине.

А потом кто-то взял и накрыл Средневожск крышкой...

Границы мироздания сузились, и Рита поняла: для нее вселенная отныне ограничивается птицефабрикой на севере, приречными холмами на западе, 9-м кварталом на востоке и городским кладбищем на юге.

И Рита возненавидела Средневожск и всех его жителей...

Она презирала этих нудных, серых, торопливых и бесконечно тупых людишек, их интересы и стремления. Рассматривая картинки в глянцевах журналах, взятых у подруг «на посмотреть», Рита грезила пальмами, голубыми лагунами, желтым песком и мускулистыми красавцами на шикарных автомобилях.

В какой-то момент она отчетливо поняла: если бы у нее была атомная бомба, Рита уничтожила бы Средневожск, не задумываясь...

Когда ей стукнуло пятнадцать, вокруг началось какое-то шевеление. Город, словно разномастные поганки трухлявый пенек, облепили коммерческие ларьки. Появились первые «новые русские» средневожского разлива. Они разъезжали на подержанных иномарках, а следом за ними по колдобистым улицам пылили тонированные «девятки» братвы, кормящейся от проклянувшегося ларечного бизнеса.

...Рита вышла «в свет» рано. На первой же дискотеке, покрутив пару раз попкой, обтянутой вельветовой юбкой, она попала на глаза Грабу, Витьке Грабину, главарю местных рэкетиров.

Он называл Риту «конфета» и носил на руках в буквальном смысле этого слова. Закадычная, с детского сада подруга Светка сказала Рите, когда Граб в первый раз подвез ее на своей «девяносто девятой» до дома, точнее, не сказала, а завистливо прошипела в ухо пла-

чушей от страха и неизвестности девушке: «Дура! Расслабься и получай удовольствие!» Эту фразу Светка накануне услышала в видеосалоне и поняла ее как руководство к действию.

Подумав немного, Рита так и сделала. Все произошло быстро и, в общем-то, довольно приятно. Мартини бянько, загородная сауна, сильные руки опытного Граба, жесткая деревянная скамейка... И джинсы «Рэнглер» в фирменном пакете, врученные ей со словами: «Конфета, на-ка вот... А то ходишь у меня, как сирота».

Это «...у меня» сладко защекотало душу, и Рита расслабилась по полной программе. Потом таких пакетов было много. Рита прибарахлилась, дома стали появляться разные вкусности и «спонсорская помощь» в виде конвертов с деньгами. Мать поджимала губы, но молчала – жить-то надо. Зато бабушка заняла непримиримую позицию борца за мораль и нравственность, понося некогда обожаемую внучку денно и нощно.

Рите, в общем-то, было наплевать. Она с неожиданным удовольствием, видимо, тем самым, о котором говорила Светка, ощутила, насколько это здорово – быть «лялькой Граба».

С нею почтительно здоровались самые отпетые отморозки, к ней обращались на «вы» в магазинах, ей продавали продукты на базаре с чудовищными скидками. Она стала средневожской знаменитостью. О Рите говорили, Рите завидовали, малолетние сикухи подражали Рите...

...Граба убили спустя четыре года после их знакомства. За это время он из вожак шайки гопников превратился, с одной стороны, в солидного, преуспевающего предпринимателя, депутата районного совета и уважаемого в городе человека, а с другой – в «лидера Средневожской ОПГ», которая на равных тягалась с бригадами из Самары и Нижнего в борьбе за право «делать крышу» во всем регионе.

Похороны прошли по самому высшему разряду. Рита, вся в черном шелке и вуали, честно рыдала над полированным гробом в кружевной платочек. Братва вокруг понимающе хмурила брови и катала желваки по каменным челюстям.

После сороковин ближайший друг и помощник Граба, Абай, он же Ирек Абаев, приехал к Рите и, прямо глядя в глаза, предложил стать его любовницей на ежемесячном тарифе. Рита посмотрела на фотографию Граба, вспомнила, что за две недели до смерти он обмолвился о свадьбе, и впервые заплакала от души, искренне и горько, как плачут только русские бабы, раздавленные жизнью...

С Иреком она прожила почти год. Абая взяли в Москве во время одной из его бесчисленных «командировок». «У криминального авторитета Абаева, одного из лидеров организованной преступности в Поволожском регионе, при задержании были обнаружены два пистолета и несколько граммов героина», – сообщила Рите дикторша программы «Криминал сегодня».

Рита попыталась связаться с Иреком, звонила знакомым, даже поехала в Москву, надеясь на свидание. Там-то и выяснилось, что у Абая есть жена, трое детей, куча родственников, и все они смотрели на Риту горящими от праведного гнева глазами: «Это он для этой вот сучки старался!»

Она вернулась домой, и тут следом за одной бедой пришла другая – умерла бабушка. На ее похороны и памятник ушли все семейные сбережения.

Бабушка всю жизнь верила в Бога и в коммунизм. Когда она умерла, Рита поняла, что это была просто обычная женская вера в силу. Но сперва Господь отвратился от людей, а потом и коммунисты забыли о них. Силы не стало – не стало и бабушки.

В ту пору часто снился Рите один и тот же сон: как будто бредет она по колено в снегу через какое-то поле, вокруг метель, снег слепит глаза, и вдруг она замечает сквозь вьюжную пелену огромную старую иву возле невысокой горки. Снег у корней ивы сам собой расплывается, и из темной дыры на нее глядит нечто, чему нет названия...

Несмотря на то что ничего доброго и светлого в этом странном сне не было, каждый раз, увидев его, просыпалась Рита в хорошем настроении.

Куда чаще, правда, снились ей другие сны, жуткие, пугающие. Обычно Рита видела, как бредет по мрачным подземным коридорам, силясь разглядеть в крошечной тьме хоть искорку света. Босые ноги ее шлепают по холодной застоявшейся воде, ладони скользят по влажному липкому камню стен.

Беспросветная мгла. Бесконечность. Выхода нет, и обратной дороги нет тоже. А тяжелые своды – все ниже... Рита во сне начинала плакать, останавливалась, садилась на корточки, стараясь не касаться осклизлых стен, – и тут из темноты появлялась Она!

Сперва слышались странные звуки – хлюпанье, шлепки, шорохи. Потом во мраке зажигались зеленоватые парные огоньки, так похожие на светлячков. Но Рита знала – никакие это не светляки. Это неярко горели гнилым светом Ее глаза...

И наконец из зева туннеля появлялась Она, Жаба. Огромная, как грузовик, с жирным белесым брюхом и коричневой пупырчатой кожей, покрытой полупрозрачной слизью, она заполняла собой все пространство подземелья и надвигалась на сжавшуюся в комочек Риту с жестокой неотвратимостью.

Тупая, бессмысленная морда Жабы нависала над девушкой, мерзко колыша дряблый кожистый мешок под нижней челюстью. Слизь капала в темную воду, немигающие глаза внимательно и алчно изучали скрюченную человеческую фигурку.

Надо было бежать, надо было бороться, но ужас сковывал Риту надежнее всяких оков, и она, не в силах что-либо изменить, лишь тихо поскуливала и бормотала во сне: «Мамочка, мамочка! Я не хочу! Спаси меня, мамочка! Ну пожа-а-алуйста...»

С противным чмоканием Жаба приоткрывала свою чудовищную пасть и вываливала толстый, мокрый, похожий на исполинского червя язык. И едва только холодный скользкий кончик этого отвратительного языка касался Ритиной щеки, ее тело обретало наконец-то способность двигаться. Она вскакивала и бросалось прочь по темным коридорам, а вслед неслось грозное шипение: «Ж-жертву! Принес-с-и мне ж-жертву! Ты м-моя! М-моя!»

После сна про Жабу Рита просыпалась посреди ночи и до утра плакала, боясь пошевелиться. Ей казалось, что из темных углов комнаты, из-за шкафа, из-под стола, из черного проема двери на нее на самом деле смотрят холодные немигающие Ее глаза...

* * *

Год они с матерью жили тем, что потихоньку продавали на базаре и по знакомым шикарные Ритины наряды. Потом стало совсем плохо. Работы не было. У новых хозяев жизни, сменивших ларечников и бандитов, Рита уже не «пользовалась спросом» – подросло новое поколение, зубастое и длинноногое. На дискотеки в Дом культуры теперь ходили едва ли не двенадцатилетние оторвы, одетые так, словно они задались целью максимально облегчить мужчинам проблему с их раздеванием.

Город, казалось, расплачивался теперь с Ритой за ее ненависть и презрение. Ее не брали на работу никуда – ни продавщицей, ни даже уборщицей. Старушки плевались Рите вслед, а всякие шушеры мужского пола, которые раньше и глянуть-то боялись, теперь приставали с недвусмысленными предложениями провести вечерок в сауне или на квартире.

И тогда Рита поняла – выход только один: замуж и к чертовой матери отсюда! Если она не уедет, этот расплзшийся по приволжским холмам городок выпьет ее душу, заживо сглохнет, сгноит тело, а мертвые кости примет глинистая земля местного кладбища...

* * *

– Вот, Ритка, смотри! – Светка вся просто дрожала от возбуждения.

– Что это? – равнодушно спросила Рита.

Ей на колени легла толстая потрепанная тетрадь в коричневой клеенчатой обложке.

– На антресолях нашла. Матуха хотела в макулатуру сдать, сейчас опять принимать начали, на базаре, пять рублей за килограмм. Ну, она все и сгребла, журналы всякие, газеты, фотки древние. Еле я успела...

Рита лениво раскрыла тетрадь на середине. Желтые страницы были исписаны ровным, аккуратным почерком. Глаза выхватили несколько строчек: «...чтобы змеи не вползали во двор, надо кругом развесить пучками траву попутник, иначе – подорожник, ибо змея попутника на дух не переносит».

– Что за фигня? – Рита скривила губы.

– Сама ты... – надулась Светка. – Это прабабки моей тетрадь. Она училкой была тут, у нас. Ну, и записывала всякое... Обряды, приметы, песни, сказки, вон, целую книгу написала, считай!

– Ну, а мне-то это зачем? – У Риты болела голова, хотелось спать, и Светуля с ее дурацкой тетрадью приперлась совсем не вовремя.

– Там в конце, сзади... Вот смотри! – Светка выхватила тетрадь, пролистнула, пошарила взглядом...

– Вот, нашла! Тут, короче, про девушку одну, Варвару. Она любила парня, а тот ее – не любил. Прабабке про это богомолка, что в Макарьевский монастырь плыла, на пристани рассказала. В общем, когда парень этот отказал Варваре, побежала она на кладбище и в колодце с горя утопилась.

– Ну и дура... – тихо сказал Рита, зябко кутаясь в дырявый материн пуховый платок. – Вон, целая Волга рядом. Иди и топись, зачем колодцы-то портить?

– А! – Светка перевернула несколько страничек. – В том-то все и дело! Колодец-то высох сразу, а Варвару эту в нем так и не нашли! Но с той поры... Та-а-ак... Где же это? А-а, вот!

Она приосанилась и прочитала звучным, торжественным голосом: «...сказано было также, что раз в год, в ночь гибели злосчастной девицы Варвары, в самую полночь, колодец, называемый жителями соседней деревни Горелово Пустым, силою живущего в нем духа исполняет желания молодых девиц на выданье и вдов, жаждущих обрести себе спутника жизни». Поняла?!

– Ну и что? – тупо спросила Рита, теребя холодными пальцами кончик платка. – Сказки это, сама ж знаешь...

– А вот не сказки, Ритка! – взвилась подруга, снова зашуршала страницами. – Сегодня какое ноябрь? Двадцать первое? А Варвара эта утопилась девятого, ну, по старому стилю. Выходит, завтра этот день. И вот самое главное... Э-э-э... Короче, прабабка влюбилась, понимаешь? В Георгия Полуэктовича, прадеда моего. А он на нее – ноль внимания. Я фотки видела – так себе прабабка была, толстуха очкастая и нос картошкой...

«Ты б на себя посмотрела, квашня!» – едва не вырвалось у Риты. Светка раздражала ее все больше и больше. Голова просто раскалывалась от тупой, ноющей боли в затылке. «Лечь бы сейчас, укрыться с головой, уснуть – и никогда больше не просыпаться!» – мелькнула и тут же пропала дурная и сладкая мысль.

– ...и собралась ночью к этому колодцу! – вещала между тем Светуля, листая тетрадь с горящими глазами. – Жертву приготовила и пошла. Темно, страшно, метель метет, волки

воют – правда, она сама про это пишет! Колодец-то на отшибе, кладбище неподалеку. Прикинь, во баба, а? И не побоялась ведь!

– Свет, давай сразу про главное... – взмолилась Рита, поджимая под себя ноги в шерстяных носках, – получилось у нее?

– Да! – обрадованно выкрикнула та и прищелкнула пальцами. – Все получилось! На масленицу сделал ей Георгий Полуэктович предложение... А через год моя бабка родилась, во как!

– А что за жертва?

– Прабабка гребень в колодец бросила. А вообще тут написано... Сейчас, Рит, сейчас. Вот: «Богомолка говорила еще, что каждая женщина должна, придя к колодцу и загадав сокровенное, кинуть в него гребень, если хочет мужа молодого да удалого, серьгу, коли желает пожилого да солидного, и тварь живую с белым мехом, если требуется ей богатый да в чинах, и на третий день желание исполнится...»

– Тварь живую... С белым мехом... – прошептала Рита. Другие варианты она отмела сразу.

* * *

Ветер казался живым. Он бил в лицо, толкал в грудь, рвал из рук обернутую мешковиной старую клетку с белым крольчонком, купленным на последние деньги в зоомагазине, норовил запорошить глаза снежной крупой, остановить, отогнать.

«Ну нет! – стискивая зубы, думала Рита. – Если уж я решилась, то ни ветер, ни дождь, ни землетрясение меня не остановят!» Рядом, прикрывая нос варежкой, брела по заметенной тропинке Света. Она уже пару раз заводила жалобным голосом:

«Ри-и-ит! Может, вернемся?», но Рита лишь яростно мотала головой в ответ и крепче сжимала кольцо клетки.

...Найти Пустой колодец оказалось непросто. От деревни Горелово, давно вошедшей в городскую черту Средневожска, осталось только название автобусной остановки на окраине. Справа – котельная, слева – сады-огороды, гордо именуемые средневожжцами «наши дачи», а прямо, за оврагом, в трех километрах – городское кладбище.

Когда они вылезли из последнего автобуса и огляделись, Светуля сразу же заканючила:

– Ну и где мы тут этот колодец найдем? Снег же, метель, темно... Может, его давно уже засыпали, а?

– Не ной, Светка! Сама тетрадь притаранила, так что терпи! – отрезала Рита. Она чувствовала, знала, верила – есть колодец, здесь он, рядом совсем. Не зря ей сны те снились, надо только вспомнить... Что там было? Старая ива, горюшка небольшая, овраг сбоку...

Иву Рита заметила, когда подкатило уже к самой полуночи. Толстый корявый ствол дерева косо торчал из сугробов, напоминая сбитый истребитель, врезавшийся в землю.

Ухватив еле ковыляющую Светку за руку, Рита изо всех сил потащила ее за собой. Ноги вязли в снегу, в сапогах давно уже хлюпало, но Рита упрямо пробиралась к иве, а в голове пульсировало: «Хочу... Чтобы увез! Хочу, чтобы увез! Увез!»

Неожиданно ветер стих. Взбаламученные метелью снежинки, будто испугавшись, повисли в воздухе почти неподвижно.

Шаг, еще шаг...

Колодец чернел у самых корней дерева. Круглая, обложенная серыми камнями пасть его притягивала Ритин взгляд. У нее закружилась на мгновение голова, пригрезилось странное: гигантская змея вцепилась кривыми зубами в плотное, похожее на грязное одеяло небо, а хвост ее, кольцами обвив весь Средневожск, уходил в колодец, чернеющий перед ними.

– Рит, ты чего? – тронула ее за рукав Светуля.

– Все... нормально, – пробормотала Рита и скинула мешковину с клетки, в которой, испуганно прижав уши, сжался в пушистый комок крольчонок. – Веревку давай!

Веревка, обычная, бельевая, никак не хотела распутываться. Рита поглядывала на часы, воюя с заледеневшими узлами. Пальцы окоченели и не слушались, а до полуночи оставалось всего три минуты...

Они успели. Привязанный за заднюю ногу крольчонок отчаянно барахтался, пытался вырваться, убежать. Светка всхлипывала – ей было холодно, жалко зверька, и еще она отчаянно трусила.

– Не реви! – прикрикнула на подругу Рита, решительно ухватила веревку и потащила крольчонка к краю колодца.

Из темной глубины на нее дохнуло влажным, сырым теплом, как будто она заглянула в обычный канализационный люк. Ногой спихнув пушистый комок вниз, Рита натянула веревку, и крольчонок закачался над бездной, судорожно перебирая лапками.

Стояла такая тишина, что слышно было, как шуршат снежинки.

– Двенадцать часов, Ри-и-ит! – проскулила Светка, поставленная следить за временем.

– Ага... – не оборачиваясь, кивнула Рита и начала спускать зверька в колодец.

И тут крольчонок отчаянно заверещал, забился, взвизгнул...

Рите показалось, что мрак на дне колодца заколыхался, вспучился, белая дергающаяся клякса скрылась в нем, и вдруг веревка натянулась, загудела, как струна, и потащила ее за собой!

– Ой! – от неожиданности Рита разжала пальцы, и розоватый шнур, стремительно зазмеившись по снегу, канул в колодезную пасти...

– Рита-а-а... Что это? Кто его утащил?! – Светка уже отбежала на всякий случай шагов на десять и оттуда, с безопасного, как ей казалось, расстояния, таращила округлившиеся от страха глаза.

Рите и самой было жутко. Ладони еще хранили ощущение натянувшейся веревки и пробежавших по ней судорожных рывков. Так бывает, когда на рыбалке попадает крупная рыба – ты тянешь ее и по дрожанию лески чувствуешь, как бьется в глубине большое сильное тело.

«Желание! Дура! Желание!» – неожиданно вспомнила Рита. Очнувшись, она бросилась к колодцу, упала коленями на холодные камни и отчаянно завопила в непроглядную темень:

– Хочу! Чтобы! Он! Богатый! И в чинах! И чтобы! Увез!!! Чтобы увез!!!

Показалось ли ей, или и впрямь сыто и довольно вздохнула сырая тьма?..

– Чтобы увез... – прошептала Рита в последний раз и встала. Подскочившая Светка ухватила ее за рукав, дернула:

– Пошли отсюда! Быстрее!..

И они пошли... Светка всю дорогу ревела – ей было жалко крольчонка. По бабьи травя себя, она причитала, в рыданиях получая разрядку от пережитого:

– Он был тако-о-ой маленьки-и-и-й... Тако-о-ой хорошеньки-и-и-й... Он теперь там одии-и-ин... Привязанны-ы-ы-ый... Он умре-е-е-ет...

Рита шла молча. У нее было странное чувство – как будто она слишком глубоко нырнула с берега в волжскую тяжелую волну и теперь никак не может вынырнуть...

* * *

Минули три обещанных Светкиной прабабкой дня. Ничего нового и необычного в Ритиной жизни не происходило. Все так же било ей по мозгам громкое тиканье часов, висев-

ших над кроватью, все так же подслеповато пялились в окно грязные соседние дома, и все те же пришибленные жизнью людишки провожали Риту злобными взглядами на улице.

Выбравшись в магазин за хлебом, она натолкнулась на перекрестке, возле стайки ларьков на компанию «центровых» парней, сидевших на корточках возле своих машин. Среди них оказался и тот, высокий, встреченный в подъезде у бабы Златы.

– А вот и наша принцесса, бя! – весело крикнул он. Остальные обернулись. Рита сжала губы и демонстративно посмотрела в сторону.

– О! Все целку из себя строит... А Абаю, небось, подмахивала тока в путь! – сообщил друзьям высокий. Парни заржали.

«Три дня прошло. И сегодня тоже уже ничего не произойдет... Я не могу... Я больше жить не буду...» – как-то очень спокойно подумала Рита, переходя на другую сторону улицы. И это внутреннее спокойствие вдруг так напугало ее, что она бросилась бежать по улице, сшибая каблуками ледяные кочки и поскальзываясь.

Матери дома не было – ушла на базар, попросила подменить соседка, торговавшая там картошкой и квашеной капустой. Рита повесила пакет с хлебом на вешалку, сняла сапоги и прямо в дубленке и шапке прошла в комнату.

Она уже все решила. Конечно же, колодец, желание – все это чушь. Крольчонка и в самом деле жалко, но он уже сдох от холода и жажды... Нет, хватит. Такая жизнь не нужна никому. Осталось только решить – как...

Повеситься? Больно и некрасиво.

Надышаться газом? А если мать придет?

Выброситься из окна? А вдруг не насмерть, и потом живи калекой, мучайся еще больше...

Резать вены Рите тоже решительно не хотелось. «Таблетки! У матери где-то был реланиум, целая упаковка. Если проглотить все, наверняка умрешь. А чтобы мать не заподозрила чего, я ей записку напишу: „Устала, легла спать“. К утру меня уже не будет...» – размышляя таким образом, Рита, скинула дубленку, шапку и уже полезла в аптечный шкафчик на кухне, как вдруг задребезжал звонок.

– Кого это... черт принес! – пробурчала Рита, подошла к двери и заглянула в глазок.

«Хм... мужик какой-то. Лет сорок пять. Солидный. Ошибся, наверное...» – подумала она и спросила:

– Вы к кому?

– Простите, пожалуйста, – приятным баском сказали за дверью, – Неволина Маргарита Петровна здесь живет?

– Да, – растерянно ответила Рита, – это я... Можно просто Маргарита. А вы кто?

– Меня зовут Игорь Леонидович. Я к вам, Маргарита, по одному очень важному делу...

«Неужели... Он?! Богатый и в чинах...» – Рита почувствовала, как у нее запылали щеки.

Она торопливо отперла замок и распахнула дверь:

– Входите, пожалуйста...

– Здравствуйте! – мягко улыбнувшись, Игорь Леонидович чуть наклонил голову в благородном кивке и переступил порог.

– 3-3-здрате... – Рита попыталась изобразить легкий реверанс, исподтишка разглядывая гостя: «Короткий аккуратный ежик – явно стрижется у собственного парикмахера. Чуть седоватый, но так даже солиднее. Кожаный плащ, дорогой, не турецкий точно. Ботинки начищенные! Итальянские, модные, с длинными носами... Так, на пальце печатка, золотая, с камешком. Брюлик? О боже, ногти ухоженные! Ну точно – он!»

– Проходите, пожалуйста! – Рита гостеприимно взмахнула рукой и тут же спохватилась: «Ой, а я-то! Чучундра чучундрой! Не причесана, не накрашена...» – Я сейчас, вы пока присядьте!

Юркнув в ванну, Рита быстро ополоснула лицо, щелкнула замочком косметички. Тени, чуть-чуть румян, тушь, помада... Расчесав волосы, она взглянула на себя в зеркало: «Ну что, мать? Не соврала Светкина прабабка! Бывают еще на свете чудеса...»

В комнате Игорь Леонидович листал прошлогодний «Космополитен». Темно-синий костюм, дорогой галстук, приятный запах явно не дешевого одеколона.

«Господи, только бы не сорвалось!» – Рита сжала кулачки так, что ногти впились в кожу.

– Не угодно ли чаю?

Гость обаятельно улыбнулся, в проницательных карих глазах заплясали веселые искорки:

– Большое спасибо, не откажусь, промерз в дороге. У нас в Москве тепло, прямо бабье лето, а у вас тут настоящая зима, сугробы лежат...

«Он из Москвы!» – Ритино сердце заколотилось быстро-быстро, ладони стали влажными от волнения. Она шмыгнула на кухню, поставила чайник, прижалась спиной к стене: «Откуда же он про меня узнал?! Ну, мать, давай, не подкачай!»

Вернувшись в комнату, Рита присела на краешек стула, посмотрела на неожиданного визитера:

– Простите... Игорь Леонидович, а вы...

– Э-э-э... Видите ли, Маргарита. Я, собственно, к вам по делу. Вам что-то говорит такое имя: Ирек Абаев?

Рита судорожно сглотнула: «Ах, вот откуда он меня знает! Это друг Абая... Наверняка Ирек попросил его позаботиться обо мне... Что ж, так даже лучше. Только бы увез, только бы не бросил здесь... Хотя, если специально из Москвы приехал... Ой, мамочки...»

Сладко защемило в груди, во рту стало сухо. Ну же, ну...

С трудом кивнув, Рита деревянным голосом проговорила:

– Да, конечно. Мы были хорошими знакомыми. До того, как... Как его посадили... А вас Ирек ко мне прислал?

Игорь Леонидович снова улыбнулся. «Ой, какая у него улыбка...» – смущенно подумала Рита.

– Можно и так сказать, – кивнул гость.

– Как он там? – из вежливости спросила Рита и тут же обругала себя: «Дура! Что ты делаешь! Еще подумает, что я переживаю...»

– Нормально, насколько это возможно в тех условиях, в которых он сейчас находится, – Игорь Леонидович сунул руку в вырез пиджака, достал плоский маленький телефон, посмотрел на Риту: – Гражданка Неволлина, я как старший следователь Генеральной прокуратуры Российской Федерации обязан задать вам несколько вопросов, а именно...

«Кто?! Следователь?!» – у Риты зашумело в ушах, перед глазами поплыли радужные круги...

– ...Известно ли вам, что в вашей квартире находится тайник?

– Не... я... я ничего... – выдавила из себя Рита.

– Вы отказываетесь назвать его местонахождение? – уточнил Игорь Леонидович, набирая номер на своем телефоне.

– Я не... я просто... я не знаю ничего! – взвизгнула Рита.

– Я так и думал, – нахмурил брови визитер и проговорил в трубку: – Она отказывается. Поднимайтесь и прихватите понятых!

Убрав телефон, Игорь Леонидович встал, прошелся по комнате, внимательно обшаривая взглядом все углы, потом внимательно посмотрел на Риту. В его глазах по-прежнему танцевали веселые искорки. Звучный голос бил по ушам:

– Вот ордер на обыск, ознакомьтесь. Абаев предупредил нас, что вы будете запереться. Зря, зря, могли бы пройти по делу краем и отделаться малым сроком...

...Обыск продолжался час с лишним. Испуганные соседи из сорок второй квартиры, тетя Лена и дядя Костя, рядом сидели на диване, а трое молодых парней в таких же отутюженных костюмчиках, как и у Игоря Леонидовича, потрошили шкафы, перетряхивали белье, пролистывали книги, простукивали подоконники, стены и пол.

– Есть, Игорь Леонидович! – наконец обрадованно воскликнул один из них, извлекая из-за батареи туго набитый шерстяной чулок.

– Что это? – вскинулась заплаканная Рита. Дежуривший в дверях милиционер подскочил к ней, надавил на плечи:

– Сидеть!

– А вот мы сейчас посмотрим, что это... Валентин, включи камеру. Понятые, прошу вас поближе... – Игорь Леонидович жестом фокусника сунул руку в чулок, и на столе один за другим появились: черный небольшой пистолет, несколько перетянутых разноцветными резинками пачек долларов, два паспорта с золотыми орлами на обложках и, наконец, камешки. Много сверкающих радужными гранями камешков...

– Гражданка Неволина, вы в состоянии объяснить, откуда взялись в вашем доме все эти вещи?

– Я не знаю... Это не наше... – Рита заплакала, и радостный блеск бриллиантов расплылся в разноцветные пятна.

– Хм... Вам придется проехать с нами. У нас есть все основания подозревать вас в сокрытии полученных от преступной группировки Абаева ценностей. Одевайтесь. Капитан Николаев скажет вам, что взять с собой.

– А куда меня? – дрожащим голосом спросила Рита, еще не веря, еще не понимая до конца, что происходит.

– В Москву, – твердо сказал Игорь Леонидович. И на этот раз Рита не увидела в его глазах веселых искорок. Там была тьма, непроглядная, тяжелая, и в этой тьме бился на веревке маленький пушистый крольчонок...

* * *

Они шепчут, но слова их не трогают наших ушей. Они смотрят, но взгляды их скользят над миром. Они видят и слышат. А мы – нет...

Большуха, время! Ожил Колодец. Дети твои приняли жертву. Дети твои пробудились. Верно держу ключи, знака жду.

Скользкая, терпи крепко... Не растворяй дверей, не верь ветру, плюй в угол. Очи недреманные следят за тобой. Замри. Знак даст Одноглазый в темный солнцеворотный день.

Лад, Большуха. Все соблюду. Да застынут Очи, да запорошит их прах могильный...

Свистит ветер. Гудят провода. Шумят ветки. Ночь. Спит земля, и люди, и звери, и птицы, и гады. И шепот, что летел над миром, тоже уснул – до поры...

Глава первая

С самого раннего детства Сергей Рыков чувствовал, да чего там чувствовал – знал, что станет кем-то великим. Даже не так – Великим, с большой буквы «В». Причем знание это поселилось у него в душе чуть ли не в младенчестве.

Сергею снились удивительные сны, а его «второе я», которое он про себя называл просто и безлико – «Голос», постоянно нашептывало мальчику: «Твоя судьба готовит тебе чудо. Ты – не такой, как все. Ты – особенный. Верь мне, я знаю...»

И он верил.

Уже в детском саду Сережа держался особняком от остальных ребяташек. Нет, он не был букой или наивным мечтателем «не от мира сего». Напротив, участвуя в немудреных детсадовских утренниках, он старался спеть песенку «Мамочка милая, мама моя» лучше других, сплясать танец «Топотушки» красивее и ярче. Вот только получалось это далеко не всегда...

И тогда Сережа закусывал губу и начинал, по словам воспитательницы Инны Аркадьевны, «вести себя вызывающе».

Он грубил, дрался, не слушался и получал грубость в ответ от всех: удары, тычки и пинки – от ровесников и наказания – от взрослых, по полной программе.

Но, даже отметеленный Вовкой Краскиным, самым большим и сильным мальчиком в группе, даже стоя в углу во время тихого часа, Сережа не плакал. Голос нашептывал ему удивительные истории и рассказывал о захватывающих приключениях, которые ожидают его, Сережу Рыкова, когда он вырастет. О, тогда он станет таким... таким... самым-самым! Сильным, умным, красивым, и у него будет все. Вообще все. Все, что только можно пожелать...

Время не стояло на месте. В свой черед пошел Сережа в школу. Поначалу он пытался быть примерным учеником – старался, тянул руку, тщательно делал домашние задания, но что-то у него не заладилось с самого начала. Отвечал он невпопад, часто ошибался, а учительница говорила Сережиной маме на родительском собрании: «Ваш мальчик способный, но очень разбрасывается. И потом – он та-а-ак высокомерен, причем не только с одноклассниками, но и с педагогами, представляете?!»

Где-то с середины второго класса Сережа понял – школу надо просто пережить. Переждать. Перетерпеть. Все равно к его будущему величию она ничего прибавить не сможет. Школа – это для простых, для обыкновенных. Для таких, как все.

А он – особенный!

«И правильно! – согласился Голос: Ну их всех...»

Впрочем, как ни странно, замкнутым одиночкой Рыков не стал. К нему тянулись. Его обособленность и открытое противопоставление себя всему на свете привлекали слабых и интриговали сильных.

В ту пору еще не знали такого слова – харизма...

* * *

Сереже исполнилось двенадцать лет, когда прозвенел первый звонок, известивший его, что вот оно, началось, ждать уже недолго!

Он был обычным подростком периода полового созревания или, как любят писать циники от литературы, «молочно-половой зрелости», в меру прыщавым, в меру упрямым, в меру любопытным.

Родители Сергея развелись давно, отца он по сути и не помнил. После скандального, с разделом имущества развода мама, прихватив свое единственное чадо, умчалась из Москвы в небольшой городок на Средней Волге, который так и назывался – Средневолжск. Маме надо было «сменить обстановку», что она и сделала, оставив в Москве кучу престарелых родственников и двухкомнатную квартиру.

Мама Сергея вообще – человек уникальный. Кандидат наук в тридцать два, она произвела на руководство единственного в Средневолжске крупного предприятия – Радиопромышленного завода, неизгладимое впечатление: «Из Москвы! Инженер! Кандидат! Красавица!»

Рыковы быстро получили квартиру в новом доме, мама неплохо, очень неплохо – завод был оборонным, а на подобных предприятиях тогда платили, – зарабатывала, жизнь наладилась. По мнению Сергея, в ту пору у мамы, возможно, даже случались романы с кем-то из сослуживцев, но надо отдать ей должное – домой она никого никогда не водила.

В принципе, до тех самых событий, связанных с Серым человеком, жизнь его текла абсолютно безбедно, ну, не считая мелких детских неприятностей, большинство из которых они с Голосом сами себе и наживали.

Сережа не грустил по Москве, из которой уехал в довольно-таки нежном возрасте, еще не почувствовав на себе то давление, которое оказывает гигантский мегаполис, прессирующий своих жителей с равнодушием асфальтового катка.

В Средневолжске ему нравилась. Если школа была неизбежным злом, от которого никуда не деться, то в остальное время он жил сам для себя. С ватагой сверстников со двора Сергей шатался по окрестностям, играл в футбол на старом поле возле «тринадцатой» школы, враждовал с пацанами из «седьмого» дома, втихаря курил, взрывал самодельные «бомбочки», играл в многочисленные пацаньи игры, словом, все было у него нормально, как у всех, причем – как у всех по всей огромной стране, исключая, пожалуй, лишь детей, живших в центрах больших, за миллион жителей городов...

Первый раз о Сером человеке он услышал случайно. Мама приехала с работы, позвала Сережу, болтавшегося без дела в их огромном, метров двести на двести, заставленном гаражами и голубятнями бывших блатных дворе, ужинать, и пока он прощался с приятелями, остановилась поболтать со своей знакомой из пятого подъезда, тетей Алиной. Тетя Алина работала в книжном магазине, по этому случаю имела шикарную домашнюю библиотеку, которой, впрочем, любезно разрешала пользоваться Сергею.

Он, по совести сказать, мальчик умный, но не рассудительный, имел в ту пору одну идиотскую привычку: пугать. Сережа просто обожал подкрадываться ко всем своим знакомым, неслышно подбегать на улице и вдруг резко хлопать по плечу и только-только прорезавшимся басом рывкать в самое ухо какой-нибудь бред.

Он и сам не помнил теперь, с чего – то ли шлея под хвост попала, то ли Голос нашептал, решил тогда напугать свою маму. Заметив, что она стоит спиной к открытой двери подъезда, Сергей прошмыгнул вдоль забора школы, прячась за кустами, юркнул за дом, нырнул в квадратное окно давно освоенного окрестными пацанами и поэтому почти родного подвала, поднялся по ступенькам подвальной лестницы и оказался в подъезде в нескольких шагах за маминой спиной.

Сережа уже собрался выскочить из подъезда с жутким криком, чтобы потом насладиться зрелищем насмерть перепуганных женщин (хотя еще далеко не факт, что они бы испугались), но тут он услышал такое, что заставило его забыть обо всем и внимательно вслушиваться в слова.

Говорила тетя Алина. Начала разговора он не слышал, но в женских разговорах это особо и не важно – все становится понятно и в середине, и даже в конце:

– ...Ходит он в сером плаще и резиновых сапогах! Говорят, что он жил раньше на Затоне, потом его посадили за убийство, а он сбежал! Вчера мальчишку нашли в колодце канализации, тринадцать лет всего. Он его... И убил потом, ножом изрезал всего, представляешь!

– Что же его не поймают?

– Ловили уже, вся милиция на ушах, а толку! Он, Серый этот, в Разинских пещерах прячется, а там разве найдешь! Ты своего предупреди, чтобы один нигде не лазил да и с пацанами тоже – что они смогут против маньяка!

Тетя Алина произнесла это слово с ударением на последнем слоге, и именно это почему-то ввергло Сережу в состояние шока – по городу бродит страшный маньяк в сером плаще и сапогах, ловит пацанов, насилует и убивает! Было от чего прийти в ужас! А то, что маньяки насилуют свои жертвы, он в те годы уже знал досконально – дворовое воспитание первым делом заполнило сексуальные бреши в Сережином интеллекте, впрочем, на том и остановившись.

Стоя в подъезде под прикрытием половинки двери, он слушал леденящие кровь подробности – оказывается, за Серым человеком числились не только пацаны, но и девчонки, общий счет его жертв перевалил за десяток, но все это он творил в других городах и вот теперь добрался и до своей родины, до Средневолжска!

Позже, за ужином, мама коротко, опустив все подробности, сообщила ему о жутких новостях и приказала: на улицу – ни ногой, из школы и в школу – только вместе с товарищами, ни с кем незнакомым не разговаривать, домой никого не пускать, если что – бежать быстро, кричать громко.

Если мама начинала говорить с Сергеем в таком тоне, он знал – надо подчиняться. Кроме того, лучше всяких приказов был страх – он действительно УЖЕ боялся Серого человека, хотя какая-то, упрятанная глубоко внутри часть его сгорала от любопытства – кто такой этот Серый, какой он, вот бы его поймать и прослать героем, и все такое...

Вопреки обыкновению, Голос в тот день молчал, и даже перед сном, лежа в постели, Сережа тщетно ждал совета или просто слов ободрения от своего «второго я».

На следующий день в школе страшную новость знали уже все. Мало того – посреди второго урока горячо нелюбимой Сережей физики в класс вошел директор и молодая женщина в милицейской форме с погонами капитана.

Директор попросил у физички прощения и представил им милиционершу. Оказалось, что это инспектор по делам несовершеннолетних и она сейчас обратится к классу по очень важному делу.

Инспекторша слегка покраснела, достала бумажку и прочитала:

– Дорогие ребята! Руководство Средневолжской милиции обращается к вам с просьбой – в ближайшее время как можно меньше находиться на улице, стараться нигде не бывать без сопровождения взрослых и обо всех подозрительных мужчинах, особенно о тех, кто будет разговаривать с детьми, немедленно сообщать в милицию или хотя бы взрослым!

После уроков они – Сережа, его тезка Сережка Дрозд, Фарид, родители которого работали в Ираке, и еще один их одноклассник с глупой кличкой Буратино, собрались за школьными мастерскими – покурить добытые Буратино две сигареты «Лайка» с бумажным фильтром и обсудить заодно страшные новости...

– Блин, да пошел он на хрен, ха! – Дрозд ухарски циркнул слюной сквозь редкие зубы: – Серый человек! Пидор какой-нибудь, небось! Братан мой сказал пацанам своим: «Если поймает, в бочку железную от бензина засунем и в Волгу, на хрен!» И писец, блин, ха!

– Им-то ништяк, они здоровые! – вмешался Фарид, принимая из рук Дрозда бычок и как бы право высказываться: – А если мы на него напоремся, че делать?

– Не сс-ыы! – заверил Фарида куривший вторую сигарету Буратино и выпустил сизую струю дыма, за что сразу получил от Дрозда по загривку: «Кури взятяжку, блин, а то добро на говно переводишь!» Буратино послушно затаился и продолжил:

– Мы тоже его грохнуть можем, влекую! Че ты думаешь, не сможем? Арматуру на стройке возле больницы возьмем – и все! Серый, ты че молчишь?

«Серый» – это Сереже. Его зовут Сергеем, как и многих ровесников, к слову, у них в классе семь Сергеев. В тех местах, где он провел детство, в Средневолжске, имя его в пацанской среде было принято трансформировать в прилагательное «Серый». Не в смысле – тупой, ограниченный, а просто по созвучию.

Вот только после появления маньяка созвучие это приобрело, Сережа это почувствовал, новый, тайный и очень важный смысл. Серый... Как волк. Волк-одиночка. А два одиночки в одном месте не живут...

В ответ на слова Буратино он пожал плечами, мол, что тут говорить...

– Ладно, блин, херня все это! – рубанул воздух ладонью Дрозд. – Ссыкуны мы все, блин, ха! Айда домой, а то мне еще ковер пылесосить надо до мамкиного прихода! Рык, че сидишь, айда!

И тогда Сережа молча помотал головой. Не известно, что за бес вселился в него в тот момент, но он неожиданно для себя самого поднял голову, посмотрел Дрозду в светлые глаза и брякнул:

– Мы его поймаем!

* * *

Как было известно из многочисленных слухов, маньяк Серый скрывался, прятался, жил в Разинских пещерах. В окрестностях поволжских городов, особенно ближе к Самаре, к Жигулям полно таких пещер, Разинских, Пугачевских или еще каких. Вокруг всякой пещеры – легенды, одна другой замысловатее. Тут и клады разбойничьи, и могилы староверов, и входы в секретные подземные города, где «бомбы делают», и прочие вымыслы.

Однако пещеры действительно существуют во множестве, и природные, и созданные людьми, многие из них завалены, забиты от любопытного пацанья железом и камнем, но не из-за желания властей сокрыть какие-то великие тайны или богатства, а просто из соображений безопасности – уж больно ветхи песчаниковые своды...

Вот в таких-то пещерах и прятался маньяк. И вот там-то они, четверо пацанов, и решили его изловить.

После уроков, заныкав обшарпанные портфели под школьную лестницу и завалив их плакатами с внушающими оптимизм лозунгами типа «Ленин – наш рулевой!» (хотя куда может зарулить покойник?), они отправились за арматурой – излюбленным оружием пацанов.

Ребристый арматурный дрын с руку длиной при желании мог даже в слабой руке восьми-, десятилетнего ребенка разбить голову здоровому бугаю, а уж если не полениться и заточить этот дрын, неделю пошкрябав его вечерами по шершавому бетону где-нибудь в подвале, то ты уже по-настоящему вооружен эдакой «карманной шпагой». Почему карманной? А потому что носили средневолжские пацаны свое оружие в штанинах – тупой конец арматурины обматывался изолентой, из которой торчал проволоочный крючок. В кармане брюк делалась дырка, и заточенный штырь висел в штанине, вдоль бедра, зацепленный проволоочным крючком за прореху. Со стороны – хрен догадаешься, а при необходимости – раз! И ты практически Д'Артаньян, попробуй подойди!

Само собой, и менты, и родители, и педагоги из всех своих маломощных сил боролись с детской тягой к милитаризму, видя в ней, по взрослому своему недомыслию, лишь

шалость. Ну и в самом деле, откуда им знать, что их родное чадо за пределами отчей квартиры, на улице практически так же незащищено, как Зоя Космодемьянская в лапах гестаповцев? И что в любой момент на ребенка, который, правда, сам себя таковым не считает и уже пять лет как курит, могут налететь представители, мягко говоря, недружественной «дворовой державы», и самое безобидное, чем закончится столкновение, если чадо не озаботилось вооружиться, – отнимут мелочь, выданную мамой на покупку «полбулки черного и батон за двадцать две», и дадут пендаль под зад – гуляй, пацан! А в худшем... В худшем происходили иной раз такие вещи, о которых Сергей Рыков и теперь, с высоты, так сказать, прожитых лет, вспоминал с ужасом...

Арматуру они натырили там, где и предполагали. Само собой, точить ее времени не было, но ушлый Дрозд потащил их в котельную, где у него (а скорее – у его всесильного брата-блатнюка) были знакомые мужики-алкаши, и там, ничего особо не спрашивая, седой худощавый дед в ватнике разогрел концы арматурин сваркой и в несколько ударов кувалды придал им форму копейных наперший.

– Кованая! – с уважением отметил Дрозд, разглядывая свою «шпагу», когда друзья на задах котельной бинтовали арматурины изолентой.

Испытав «шпаги» на боеспособность, для чего им пришлось основательно истыкать железяками деревянный блин от катушки с кабелем, пацаны наконец-то отправились в поход. О, если бы только Сережа знал тогда, чем этот поход закончится!

Буратино с Фаридом шли метрах в десяти от них с Дроздом, держа арматурины наготове, и вполголоса о чем-то переговаривались. Четверка маньяколовцев двигалась по поросшей бурьяном бугристой равнине, тут и там утыканной решетчатыми столбами ЛЭП. Равнина эта, а верней было бы сказать – пустошь, простиралась между городом и приречными холмами, поросшими чахлым леском. Там, в холмах, и находились пещеры...

– Слышь, Серый! – Дрозд тронул Сергея за рукав: – Так мы его не заметим, блин! Он мимо пройдет по канаве, а за травой хрен разглядишь!

– И че ты предлагаешь? – спросил Сережа.

– Разойтись надо! Цепью идти, как немцы в кино, ха! – Дрозд сплюнул и крикнул Буратино и Фариду: – Э, мля, долбени, айда сюда, побазарить надо!

Манера общаться друг с другом у мальчишек в те годы была искусственно-приблатненная, и лишь потом, через много лет, Сергей понял, что искусственного там было гораздо больше, но тогда им казалось, что они – ну о-очень «деловые» пацаны...

Дальше друзья пошли, «как немцы в кино», разбредясь друг от друга. Дрозд достал из кармана и надел на левую руку стыренный у брата блестящий дюралевый кастет, а правой крепко сжимал арматурины.

Фарид шагал метрах в двадцати дальше, пригибаясь и временами разглядывая сырую землю под ногами, – видимо, он недавно читал Фенимора Купера и теперь, воображая себя Чингачгуком, пытался обнаружить следы.

Буратино, рослый, плечистый и красивый, как теперь понимал Сергей, мальчик, но совершенно не отягощенный избытком интеллекта, просто топтал бурьян и изредка поглядывал на авторитетного Дрозда, ожидая, что тому надоест и он скомандует привал или вообще повернет назад.

Сережа шел самым крайним, сжимал в руках ребристый остроконечный дрын и... боялся. По-моему, никто из его друзей толком не понимал, во что они ввязались, и для них это было – Приключение, Приключение с большой буквы, это будоражило, заставляя кровь резвее бежать по телу, и толкало – вперед, вперед!

Сергея же сам процесс поиска маньяка интересовал постольку-поскольку. Он с ужасом ждал развязки, моля про себя всех богов, чтобы только пронесло, но при этом втайне, в глубине души чувствуя – это нужно, необходимо пережить, чтобы потом... Когда-нибудь... И

Голос, вдруг возникший из ниоткуда, мягко подталкивал: «Иди! Иди вперед! Это не просто игра, это – настоящее, это – важно!»

Никаких иллюзий по поводу того, что случится, встретить они этого Серого, Сережа не испытывал – здоровый, взрослый и ненормальный мужик, привыкший убивать и испытывающий от этого удовольствие, легко положит четырех самонадеянных пацанов их же оружием, и ку-ку! Прощай, дорогая мама, ты никогда не забудешь меня...

Конечно, так гладко он сформулировал собственные мысли много позже, гораздо позже, уже будучи взрослым. А тогда Сергей вяло брел по сухому, трещащему бурьяну, уныло озирает серое небо, вдалеке – полуоблетевший лесок у подножья приречных холмов, и боялся, то и дело вытирая потеющие ладони о штаны.

Минут через двадцать Дрозд крикнул:

– Дойдем до леса – покурим!

– Да ну, давай прям щас! – отозвался Буратино, но Дрозд только помотал головой, мол, нет.

До леска оставалось всего ничего, когда они услышали журчание воды – где-то неподалеку находился ручей, текущий со стороны города к Волге и носивший в Средневолжске неоригинальное и незатейливое название «речка-вонючка».

Вскоре Сережа увидел и саму «речку» – неширокий, мутный поток в топких берегах. Дрозд тоже заметил ручей и крикнул ему:

– Серый! Рык! Переходи на тот берег!

Он очень любил командовать, Сережин друг Дрозд, а для тех, кто был с ним не согласен, у него имелся богатый арсенал усмирительных средств, и одним из главных было банальное «слабо». Сергей уже предвидел, как лицо Дрозда в случае его отказа искривит ехиднейшая гримаса, губы вытянутся в трубочку и он с великолепно разыгранным презрением прошептит: «Че, „сканил“?»

«Сканишь» на уличном языке значило – испугаться. Труса, соответственно, называли – «конек», «конила», и не было хуже этого слова оскорбления для «нормального» пацана...

Молча пожав плечами, Сережа свернул и одним, великолепным и грациозным, как ему казалось, прыжком перемахнул через ручей, вляпавшись, правда, на том берегу у самой воды в липкую, скользкую глину.

Теперь его от остальных поимщиков отделяла «речка-вонючка». Ее правый берег оказался сухим, и на нем не стоял стеной уже здорово доставший Сережу ломкий бурьян. Пока пацаны продирались через трещащие джунгли, доходившие даже рослому Буратино почти до плеч, он спокойненько шел себе по жухлой траве, помахивая своей железкой, и странное дело – и страх прошел, и настроение улучшилось, и еще – появилась твердая уверенность в том, что никакого маньяка-убийцу они, конечно же, не встретят и весь их героический поход закончится костром на берегу Волги, печеной картошкой, которую они предусмотрительно захватили с собой, поздним возвращением домой и дежурной выволочкой за несделанные уроки и за то, что он так и не удосужился пообедать.

Пустошь тем временем кончилась. Друзья подошли к подножью холмов, не очень высоких здесь, но там, со стороны Волги, обрывавшихся вниз метров на триста чередой лесистых уступов. Много позже Сережа узнает, что это называется «речной террасой», но в детстве он таких мудреных слов не знал и, как и все в Средневолжске, именовал эти горки «буграми». «Пошли на бугры?» – «Пошли!»

Русло ручья сильно понизилось, образовав небольшую долину, метров двадцать в ширину, скорее даже не долину, а овражек с довольно крутыми склонами. Справа вырос самый высокий Лысый бугор, слева тоже торчала небольшая горка, а худые березки и осинки, росшие тут и там, скрывали окружающий пейзаж. Сергей перестал видеть друзей и слышать их шаги и, пройдя еще с десятков метров, остановился.

Пора было перекурить, да и бродить по этим холмам в одиночку ему не улыбалось. Он собрался было крикнуть Дрозду, что все, тормозим, даже набрал для этого воздуха в грудь, но тут раздался сухой треск ломающейся ветки и сразу за ним – шорох, который обычно издает одежда быстро идущего человека.

Сереза обернулся, и крик застрял у него в горле – там, где он только что прошел, шагах в десяти позади, стоял человек! Даже теперь, хотя прошло уже немало лет, он отчетливо помнил Серого человека – длинный темно-серый, перепачканный грязью плащ с капюшоном, такие выдавали лесникам и рыбинспекторам, высокая, чуть сгорбленная фигура, тяжелые литые резиновые сапоги, все в глине, за спиной – тощий выгоревший рюкзак.

Сердце дало сбой и гулко ударило в уши – он! Сразу же ватная слабость охватила ноги, во рту пересохло, а руки задрожали той противной, трусливой дрожью, которая ведома только записным «конькам». «Все, – понял Сереза. – Я попался!»

До сих пор он так и не смог понять, почему тогда не закричал. Издай он хоть один, пусть совсем тихий вопль, пацаны примчались бы на помощь и Серый человек, скорее всего, убежал бы. Скорее всего... Но Сереза не крикнул. Он стоял, молчал и широко раскрытыми от ужаса глазами смотрел на медленно приближающуюся фигуру в плаще.

Постепенно, как проступает изображение на фотобумаге в ванночке с проявителем, из темного провала капюшона проступили черты лица – тонкие губы, заросшие рыжей щетиной щеки, низкий лоб с прилипшими к нему грязными прядями потемневших от пота волос, и глаза – белесые, с расширенными зрачками. Все в этом лице было застывшим, мертвым, только губы постоянно кривились в какой-то дикой усмешке и шевелились ноздри кривого, перебитого носа. Маньяк не показался Серезе страшным – просто обычный человек, каких много, но именно эта «обычность» еще сильнее напугала мальчика.

Серый подошел к нему почти вплотную, так что Сереза почувствовал тяжелый запах пота, перепревшей одежды, дешевых сигарет и почему-то резины и больницы.

Пока маньяк шел, руки его были в карманах, но подойдя ближе, он протянул их к Сергею и тихим, бесцветным голосом произнес:

– Дай сюда!

Он имел в виду арматуру, которую Сереза все еще сжимал в кулаке, и тут ему надо было вложить что есть силы по серому капюшону ребристой железкой и бежать, голося на весь лес, но он лишь бросил взгляд на протянутую руку и окончательно одеревенел – на руках были резиновые перчатки!

Сергей и теперь не знал, почему тогда это его так поразило, но в тот момент именно простые перчатки толстой резины, какие используют в работе электрики, чтобы их не долбануло током, произвели на него настолько жуткое впечатление, что он покорно протянул Серому свое оружие.

Тот просто отшвырнул «шпагу» в сторону – булькнула мутная вода, шагнул ближе, на ходу выхватывая из другого кармана грязно-белую тряпку, схватил Серезу за шею свободной рукой и залепил, зажал материей лицо. В нос мальчику ударил тошнотворный, химический, или, скорее, аптечный запах, все сразу поплыло, он начал падать, падать, падать...

А в памяти осталось лишь удивление, посетившее Серезу в последний момент, – почему он до сих пор никак не ударится о землю?..

* * *

Очнулся он как-то сразу и тут же, еще не открыв глаз, понял, что связан – и ноги и руки его были крепко и очень грубо спутаны чем-то жестким, проволокой или электропроводом. Сергей осторожно открыл один глаз – и почти ничего не увидел. Какие-то тени, темнота со всех сторон, и неяркий отблеск живого, метущегося света из-за угла.

В ушах стоял тягучий звон, по всему телу прокатывались волны слабости, очень першило в горле. Сергей закашлялся, пытаясь перевернуться на спину, одновременно открыл второй глаз и наконец сообразил, где находится.

Это было что-то вроде подвала, а точнее, длинного и широкого подземного коридора. Откуда и куда он вел, ему было непонятно, но лежал он на дощатом топчане в своеобразном зале – здесь коридор расширялся едва не вдвое и в полу темнело обложенное камнем широкое, круглое отверстие, должно быть, шахта метров пяти в диаметре.

Коридор тонул во мраке, лишь свеча горела где-то за поворотом, и в ее скудном свете Сергей разглядел, что пол, стены и потолок – каменные, вдоль стен стоят какие-то ящики, сундуки, явно старинные, и лишь здоровенный агрегат в стороне, что-то вроде большого компрессора, напоминает о том, что на дворе XX век.

Все это, включая и пол, и стены, было покрыто жутким слоем пыли в пять пальцев толщиной, не меньше, и лишь по центру коридора шла рваная, неширокая полоса, от пыли свободная – тут ходили, и ходили недавно.

На поросших белесой плесенью и затянутых паутиной каменных стенах висели цепи, торчали пушистые от пыли крюки, хранившие остатки привязанных к ним веревок, а в редких нишах лежали бесформенные и тоже очень запыленные груды позеленевших палок и камней, в которых Сережа с ужасом и дрожью опознал человеческие кости, впрочем, очень старые и замшелые. Словом, ни на какие «Разинские пещеры» это подземелье не походило, скорее уж это подвалы Опричнины, владения Малюты Скуратова...

И в этот момент его вдруг словно током дернуло – Серый! Он же в лапах маньяка! Мамочки, что же делать-то!

Сергей начал биться в бессознательном желании освободиться, вырваться, попытался вывернуть, выдрать руки из оков провода, но его пленитель, видимо, имел опыт – мальчик только натер запястья. От бессилия Сережа заплакал, истерично взвизгивая, – в тот момент он уже ни на что не надеялся.

И тут в его сознании возник Голос.

Но это был уже не тот, знакомый с детства Голос, друг и советчик. Этот, новый Голос налился силой, обрел собственные, неизвестные раньше интонации. И больше всего Сережу поразило, что Голос, до этого бывший безликим, стал... женским. С ним словно бы разговаривала взрослая, умная и уверенная в себе женщина.

«Успокойся. Возьми себя в руки. Поводов для паники нет. Все будет хорошо. Я – с тобой», – твердо, убедительно и уверенно зазвучали у него в голове слова. И удивительное дело – отчаяние отступило!

«Еще, скажи еще что-нибудь!» – мысленно попросил Сергей.

«Прежде всего запомни – действовать надо решительно, – сообщил Голос. – И если ты принял решение, – не медли, не думай, ибо промедление и глупые мысли погубили немало достойных!»

Тем временем Сережины визги, видимо, привлекли внимание Серого, который что-то делал в коридоре за углом, там, где горела свеча. Он вышел, и вид его жуткой фигуры, вдруг возникшей в тусклом желтоватом свете, заставил мальчика в прямом смысле слова прикусить язык.

– Очухался... – то ли спросил, то ли объявил сам себе маньяк, подошел к Сереже ближе, взметая полами плаща пыль, сплюнул неумело, так что слюна повисла на нижней губе, схватил пленника за волосы, резко повернул голову:

– Здравствуй... мальчик... Здравствуй...

Он произнес это тихо, раз, другой, третий, потом отошел к черному провалу шахты, захихикал, повернулся к Сергею и сказал свистящим шепотом:

– Сейчас я схожу... А потом вернусь и...

И он объяснил Сереже Рыкову, что он с ним сделает, объяснил просто и четко, матом, без всяких киношных «Я с тобой позабавлюсь!» и так далее.

Продолжая твердить эти страшные слова, которыми Сергей и его друзья не раз бравовали в разговорах, подчеркивая тем самым свою «взрослость», человек в плаще начал спускаться в шахту по железным скобам, вбитым в каменную стену...

Сережа вновь остался один. Бормотание Серого и шорох его рук и подошв о скобы еще слышались некоторое время, а потом стало тихо – шахта, видимо, была глубокой.

Мальчика трясло от ужаса. Это уже не был тот страх, что сковал Сережу ранее, страх перед пугалом, которого боялись все. Нет, это был животный ужас, ужас жертвы, приготовленной к закланию, ужас безысходный и беспросветный. Несмотря на Голос, он впал в какое-то оцепенение, и только пальцы спутанных проводом рук шевелились, словно лапки паука, перебирая складки одежды...

«Быстро! У нас мало времени! Борись! Бейся! Давай, ну!...» – вновь возник в голове Голос. Он, вернее, она так и сказала – у нас, а ведь раньше тот, прежний Голос говорил: «Ты, у тебя». И постепенно что-то в Сережиной душе воспротивилось, ожило – ощущение было таким, словно насекомое вылупляется из кокона там, где-то внутри: сперва появляются усики, затем голова, скомканные крылышки, но вот уже крылья обсохли, выпрямились, и прекрасная бабочка улетает прочь.

И он начал бороться!

Электрический провод, заключенный в пластиковую изоляцию, трудно разорвать, далеко не каждому взрослому мужику это под силу, а порвать несколько витков провода не сможет никто, это факт. Но провод можно переломить, если сгибать его в одном и том же месте, – это Сережа знал очень хорошо. Все осложнялось тем, что руки его были спеленуты слишком крепко и захватить пальцами провод он не мог. Зато мог, согнувшись, дотянуться до провода на ногах, благо руки мальчику Серый человек связал впереди, а не за спиной. И для начала Сергей занялся ногами.

Кое-как подцепив один виток, он изо всех сил потянул, сжав ноги, насколько можно, и таким образом чуть-чуть ослабил кусок провода. Теперь его надо было переломить. Если удержишь большой кусок провода в руках, это легко. Но в распоряжении Сережи было лишь несколько сантиметров, и все же он начал гнуть скользкую пружинистую жилу.

Силы в детских пальцах немного, но ужас и Голос, звучащий в голове, подгоняли его. Он в иступлении гнул, гнул, гнул – и провод не выдержал! Дальше было проще – распутав ноги, он сел, затем по указанию Голоса попробовал встать – и тут же рухнул обратно на топчан. Занемевшие ноги совершенно не слушались, тысячи незримых иголочек впились в икры, в бедра, и Сергей, словно парализованный, не мог ни согнуть ног, ни выпрямить их.

Однако постепенно кровообращение восстанавливалось. Серого человека не было слышно, и мальчик уже собрался бежать прочь, прямо так, со связанными руками, но тут из черного зева шахты раздались царапающие звуки и голос маньяка. Поздно!

На еще негнувшихся, плохо слушающихся ногах Сережа доковылял до края шахты и заглянул вниз. Голос противился, Голос кричал ему: «Беги! Беги, дурачок!», но что-то заставляло мальчика взглянуть на Серого человека.

Взору его открылся прямой ствол шахты, метров пятнадцать глубиной, на дне которого, освещенном такой же тусклой свечой, что и наверху, по кругу виднелись двери, четыре темных проема.

Цепляясь за вбитые между каменных глыб скобы, медленно карабкался наверх Серый. Он был уже совсем близко, и счастье, что Серый не смотрел наверх. Сережа понял – надо что-то делать, но вот что?

Он заметался у жерла шахты, в какой-то момент ему в голову даже пришла мысль прыгнуть вниз, чтобы этот маньяк ничего не смог с ним сделать. Представив на миг, как он

летит вниз, как его тело сбивает с лестницы Серого и как они оба с воплем падают, Сережа всхлипнул. Умирать не хотелось.

И тут Голос, на мгновение замолчав, быстро проговорил: «Надо сбросить ему на голову что-то тяжелое! Не свое тело, дуралей, а что-нибудь другое. Ящик, мешок, камень... Ищи! Быстро – ищи!»

Легко сказать: «Ищи!», а вот сделать...

Серый человек поднимался из шахты медленно, но неумолимо, как поднимается на море во время прилива вода. Времени было в обрез!

Сережа метнулся к одной стене, к другой, хватаясь за все подряд, но мешки рвались под его связанными руками – ткань истлела, и покрытое плесенью зерно, оказавшееся внутри, распространяя тяжелый запах гнили, комками падало в густую пыль. Ящики же, все как один, оказались при ближайшем рассмотрении огромными, тяжеленными сундуками, обитыми металлом, с выпуклыми крышками, с большими коваными ручками, и все – запертые; на многих висели на ржавых цепочках большие свинцовые печати. Ни один сундук сдвинуть с места мальчику не удалось...

А бормотание Серого слышалось все громче и громче – он поднимался! Сережа в отчаянии чуть было не заорал от страха, мечась вдоль стен, связанными руками дергая за все, что попадалось на глаза. Холодный пот, выступивший на лице, смешался с пылью, и его лицо стало серым с дорожками от слез на щеках.

Почему он просто не убежал? Много позже, еще и еще раз вспоминая эти страшные мгновения, Сергей задавал себе этот вопрос и не мог найти на него ответа. Но это – потом, а тогда он вообще ни о чем не думал, просто метался и искал, чем бы ему... «...Чем бы тебе убить Серого человека!» – безжалостно закончил мысль Голос. «Я не хочу убивать! – воспротивился Сережа. – Мне просто нужно его остановить, остановить во что бы то ни стало!»

«Убийство – это лишь слово. Страшное – но слово, – заметил Голос. – Не надо бояться слов. Решил – делай!»

И вот, когда надежда совсем оставила Сережу, возле глыбистого агрегата, при ближайшем рассмотрении оказавшегося дизельным электрогенератором, мальчику под руки попала деревянная, полусгнившая обрешетка, скорее даже клетка, внутри которой, на куче черной от времени стружки, стояла огромная двадцатилитровая стеклянная бутылка, наполненная под самое горлышко прозрачной жидкостью.

Он не стал раздумывать, что это такое. В конце концов, Голос прав: «Решил – делай!» Сережа наконец-то нашел вещь, которую мог сдвинуть, и схватив бутылку за горлышко, он рванул ее, надеясь довольно легко вырвать емкость из деревянной обрешетки. Рванул – и ахнул! По его разумению, внутри бутылки должна была быть вода, – а что еще прозрачное, бесцветное и жидкое бывает в природе? Но это была не вода, по крайней мере, весила она втрое, а то и вчетверо больше!

Кое-как, стараясь не расколоть, он уронил бутылку вместе с обрешеткой набок и волоком, упираясь дрожащими ногами в пыльный камень, потащил ее к шахте. Он тащил, тащил, тащил, вцепившись в крепко запечатанное сургучом горлышко... Обрешетка по пути развалилась, гнилые стружки канули где-то в пыли, и теперь тяжеленная бутылка отчетливо скрежетала по каменному полу. Звук был – еще хуже, чем гвоздем по стеклу. Сережа стиснул зубы, надрываясь из последних сил, но тут Голос подсказал ему: «Дурашка! Она же круглая! Перестань надрываться, просто кати ее...»

Заскрипев зубами от злости на собственную глупость, мальчик опустил емкость в пыль, развернул ее боком и начал толкать. Дело пошло на лад – несмотря на толстый слой пыли и встречающийся по дороге мусор, бутылка довольно быстро покатила к шахте.

И тут, как в замедленном кино, Сережа увидел руку в резиновой перчатке, которая появилась над краем шахты и вцепилась в последнюю скобу. Серый человек уже поднялся, а ему осталось еще около двух метров, чтобы докатить бутылку! Он не успел!

Волна одури, тяжелой одури, возникшей от ужаса, страха, бессилия и обиды, накатила на мальчика. «Толкай!» – завизжал Голос, и Сергей из последних сил толкнул бутылку к шахте!

Оставляя за собой широкий след во взбаламученной пыли, бутылка медленно катилась прямо на поднимающегося Серого. Он еще не знал об опасности, но вот его мокрое от пота и красное от напряжения лицо появилось над краем колодца, он заметил бутылку – и неожиданно тоже завизжал тонким, противным голосом, выставил вперед руку, чтобы оттолкнуть надвигающийся стеклянный бочонок, но резина скользнула по пыльному стеклу, стирая эту самую пыль, и более-менее чистым боком бутылка ударилась о последнюю, торчащую из пола вертикально скобу, над которой возвышался по плечи Серый.

С глухим, совсем не похожим на звон стекла звуком бутылка лопнула, и густая маслянистая жидкость широкой волной хлынула прямо в лицо маньяку! Сережа сжался в комочек – все пропало! Сейчас он вылезет и...

Дикий вопль пронесся по каменному коридору! Серый человек вопил, орал, кричал... Нет, человеческих слов не хватит, чтобы описать те, что исторгал он из своей глотки!

«Это серная кислота для заправки аккумуляторов, которые запускают генератор, – спокойно сказал Голос. – Смотри, сейчас она съест его. Словно тысячи малюсеньких жидких крыс...»

И Сережа смотрел. Смотрел, как Серый человек пытается руками, разом отпустив скобу, стереть жидкость с лица, смотрел на выкаченные, странно побелевшие глаза, смотрел на кровь, выступившую из стремительно расплзающихся ран на лице и на губах...

Тут, потеряв равновесие, Серый резко, как-то вдруг, откинулся назад и рухнул вниз – в шахту.

Вопль его некоторое время метался в проеме шахтного ствола, потом раздался неприятный, тупой хряск – и тут же наступила оглушающая тишина, только слышно было, как страшная жидкость шипит в пыли и тоненьким ручейком стекает в провал...

Сергей не помнил, сколько он простоял в оцепенении над черным зевом шахты. В себя мальчик пришел от запаха – пахло чем-то удушливым, противным, гниловатым. От лужи у края шахты шел то ли пар, то ли дым – не сильно, но заметно. Двигаясь, как деревянная кукла, он опустился на колени, заглянул вниз – и отшатнулся. Там, в круге мятущегося света свечи, в клубах синеватого кислотного тумана, лежало на спине тело Серого. Сережа отчетливо видел, что лицо маньяка превратилось в сплошное кровавое месиво, сверху похожее на разбитую бутылку с томатным соусом.

«Ты победил! – радостно взвился Голос. – Ты прошел испытание, и отныне мы всегда будем вместе. Это твоя первая настоящая победа, сынок! Гордись!»

И от всего содеянного и увиденного, и от вот этих страшноватых слов, прозвеневших вдруг в голове, от этого пугающего «сынок» Сергей хрипло вскрикнул и бросился прочь от страшной шахты. Он бежал по подземному коридору, по пылевой дорожке, протоптанной Серым, и напряжение и ужас, скрутившие все его тело, постепенно отступали, отступали, отступали, чтобы на их место пришел страх, слабость, усталость...

Где и как он выбрался из пыльных подземелий, Сергей не помнил. Просто в очередной раз навалившись на очередную тяжеленную ржавую дверь в конце очередного темного коридора, он вдруг шагнул навстречу неяркому свету осеннего неба, который больно резал по его глазам, привыкшим к темноте.

С полуприкрытыми веками, стараясь смотреть только под ноги, Сережа побежал вперед, прочь от ужасных катакомб. Пару раз он падал, натыкался на деревья, пока наконец глаза его не привыкли к свету.

Он стоял в каком-то небольшом распадке среди все тех же бугров. Вокруг шумели голые деревья, ветер тоненько свистел в ветках, справа от Сергея сквозь лес свинцово серела необъятная гладь Волги, а впереди возвышалась голая вершина Лысого холма, прямо посредине которой сидели у дымящего костра три человека.

Черная кепка Дрозда и оранжевые полосы на куртке Фарида, рыжий вихор на затылке Буратино – верные друзья пекли картошку и ждали его, время от времени оглядываясь по сторонам.

Сергей ничего не стал им рассказывать – ни про Серого, ни про бетонные коридоры под буграми. Он вообще никогда и никому об этом не рассказывал...

И вход в те жуткие казематы, сколько потом ни искал, найти так и не смог. Кто, когда и зачем создал их, что хранилось в сундуках, куда вели двери на дне шахты, чьи несчастные останки покоились без погребения в каменных нишах, Сергей так никогда и не узнал...

Пацаны распутали ему руки и засыпали вопросами, и вот тут-то Сережу окончательно «отпустило» – и разум отказался повиноваться.

Он полгода болел, впад в то состояние, которое специалисты называют ступором, и честь и хвала его замечательной маме, которая отбила сына у «самых прогрессивных в мире» психиатров и своим вниманием и лаской растопила-таки тот кусок льда, который вдруг сковал его мозг около пяти вечера одним сентябрьским днем на буграх у Волги...

* * *

Из он-лайн дневника Мити Филиппова:

Запись от 10.11.

Кто придумал школу? Нашу и вообще...

Кто придумал учителей, и самое главное – кто придумал школьную программу? Устал я с ними бороться. Может, как советует Т., и правда, попробовать сдать экстерном?

Третий день подряд клонит в сон. Вывод – сегодня среда.

Загадка: слабое, беззащитное существо, от которого невозможно ни отбиться, ни спрятаться. Отгадка – это Самойка. У меня дела в лаборатории, а ей обязательно надо в кино.

Не люблю эти модные фильмы. Я после «Персидской защиты» еще не отошел. Там главный герой сидит на дереве и стреляет из ружья. В Персии сидит. Понимаете, да? А дерево – липа.

И весь фильм получается – липа...

Самойка теперь обижается. Придется мириться. Тяжело быть мужчиной – за все в ответе. И обижаешь сам, и миришься сам.

Философ Розанов как-то сказал: «Живи каждый день так, как если бы ты всю жизнь жил для этого дня». Ну, на один день меня хватит. А дальше как?

Глава вторая

Чвяк-чвяк, хлюп-хлюп... Чвяк-хлюп, хлюп-чвяк... Под ногами – каша, причем отнюдь не манная. Над головой – тоже дрянь, то ли дождь, то ли снег. Нет в Москве более мерзкого времени года, чем осеннее межсезонье...

Весной еще терпимо – все же временами светит солнышко, воробьи чирикают и в душе распускает лепестки пока еще скрытая, но весьма твердая убежденность – скоро все растает, скоро наступит лето...

А вот поздней осенью – тоска смертная. За городом уже зима, сугробы лежат, а в самом городе, иллюстрируя некогда популярную песенку, тепло и сыро. И сыкотно.

Свежий ноябрьский снежок красивым пушистым покрывалом ложится на тротуары и проезжую часть – и тут же его размочаливают сотни и тысячи, а точнее – сотни тысяч ног и колес. А уж если к снежку добавляется дождь и ветер...

Илья выплюнул домученную до самого фильтра сигарету в урну у автобусной остановки, вжался в пальто, как рак-отшельник в раковину, поежился. До назначенного Вадимом Завадским «часа X» оставалось еще двадцать минут. В любое другое время года переждать, перетоптаться эти двадцать минут ничего не стоило, подумаешь, газетку почитал, перекурил опять же – вот тебе и время прошло.

Но когда с неба льет ледяной дождь вперемешку с мокрым снегом, а злой ветер набрасывается на тебя, словно насильник на жертву, норовит залезть под одежду, выстудить, заморозить, – лучше сидеть в тепле.

«Как хорошо было в метро. Пусто, не холодно... И чего Зава не назначил встречу попозже? Можно было бы в кафешке переждать, хоть вон в той, напротив, до открытия которой осталось... ох, еще целых три часа...» – со злостью подумал Илья, пытаясь укрыться за прозрачной стенкой остановки от дующего, казалось, со всех сторон ветра. Впрочем, злиться он мог только на себя самого. Хотел увидеть загадочных тварей Хтоноса? Назвался груздем? Будь добр сидеть в кузовке и не чирикать...

По грязному и мокрому асфальту проспекта Вернадского со змеиным шипением проносились машины. Они еще не текли сплошным потоком – все же шесть утра, большинство жителей столицы пока нежатся в постелях, досматривая утренние, самые сладкие сны...

Желтый угловатый джип Вадима Завадского вынырнул из-за свинцовой пелены снежного дождя, и вскоре продрогший Илья уже сидел в нагретом салоне и слушал извинения друга.

– Э, дырявый я башка! – подражая неведомому инородцу, каялся Зава. – Сапсем забыл, что погод нынче плохой! Заморозил тебя, о тюльпан моей души! Подверг риску, так-скасть, твой драгоценный здоровье...

– Ну хорош, хорош... – Илья похлопал Вадима по плечу, – а то я сейчас разрыдаюсь от полноты чувств. Далеко ехать-то?

– Да так... – неопределенно пожал плечами враз посерьезневший Зава, – свернем сейчас на Удальцова и у парка остановимся.

– А что за парк? Это Воронцовский, что ли?

– Нет. Воронцовский – это налево, за Ленинским, там улица Новаторов. А этот как-то по-революционному называется. Что-то имени каких-то лет Октября. Да нам не сам парк нужен, а домик один неприметный, на окраине...

Зава замолчал, сосредоточившись на дороге. Взбесившийся ветер с упертостью вьетнамского гастарбайтера швырял в лобовуху мокрый снег, и маломощные бразильские дворники джипа с трудом справлялись с серой вязкой массой, медленно сползавшей вниз по стеклу...

* * *

Вадим вернулся из Лондона два дня назад. Илья, встречавший друга в Шереметьево, сразу отметил, что Зава выглядит подавленным и растерянным, напоминая отличника, решившего контрольную раньше всех и вдруг получившего «банан» вместо дежурной пятерки.

Они обнялись, и на обычное: «Ну как оно?» – Вадим лишь махнул рукой – никак, мол.

Поговорить сразу не получилось – подросли старшие Завадские, и Илья услышал от «лондонского денди», как назвал сына Борис Сергеевич, полную оптимизма версию о четырехлетнем контракте, работе в Лондонском социологическом центре всемирно известного Института Гэллага, головокружительных перспективах и астрономической по российским меркам зарплате.

Правду удалось узнать только вечером, по ходу торжественного семейного застолья. Илья отправился покурить на лестничную площадку, Вадим вышел за ним следом.

– Ты правда получил контракт? – спросил Илья. Зава отрицательно помотал головой, глядя сквозь грязное подъездное окно на крыши соседних домов. Потом вздохнул и выдал из себя:

– Меня наказали, Илюха... Я действительно уезжаю на четыре года. Буду работать помощником архивариуса при архивном отделе либрорума Великого Круга. Искать вину, если можно так выразиться... Разгребать бумажные завалы, систематизировать, каталогизировать... Эх...

– Но за что?! – удивился Илья. – Если бы не ты, наш лучший кореш Удбурд тут такого бы натворил! Да пошли ты их всех подальше!

– Послать... – Зава усмехнулся и тут же зло стиснул зубы: – Я им спасибо должен сказать, что таким пустяком отделался! А насчет того, за что... За Ларец Желаний. Понимаешь, это очень, очень, очень важный марвел. О его существовании Пастырям было известно давно, и он значился в списке особо разыскиваемых артефактов.

– Ну а ты-то здесь при чем?

– Я – Наблюдающий! Я обязан сообщать куратору обо всем подозрительном...

– А ты не сообщил?

Вадим повернулся к Илье, почти крикнул:

– Да в том-то и дело, что сообщил! Мало того, я точно определил тип артефакта и был уверен, что это известие поднимет на уши весь Великий Круг! Нашелся один из великих марвелов! Это же эпохальное событие!

Илья непонимающе уставился на друга:

– Погоди, так за что же тебя наказали?

– Вот тут и зарыта собака. Мой куратор... Бывший куратор, Седьмая спица, эрри Габал Орис, видимо, не передал рапорт о Ларце Желаний иерархам Великого Круга. Я подозреваю, что тут замешан опять же бывший Стоящий-у-Оси, эрри Апид Аксис. Ребята из отдела связи намекнули мне, что и эрри Габал, и эрри Апид погибли в ходе некой спецоперации, проводимой лично самим Поворачивающим Круг, эрри Орбисом Верусом...

– Ни фига себе у вас там страсти кипят! – фыркнул Илья. – Ну, а ты-то тут при чем?

– А при том... Следов рапорта никаких! Из посмертной памяти погибших вытянуть ничего не удалось, у эрри Апида стоял, говоря человеческим языком, ментальный блок, а эрри Габалу ноктопусы повредили центр памяти в мозгу – попросту снесли полчерепа...

– Да-а-а... – протянул Илья и полез за новой сигаретой, – дела-а-а... Как говорят в народе, хреновей хрена бывает только хреновина... А ноктопусы – это кто?

– Не дай тебе бог узнать, – покачал головой Зава. – Это... спецназ, а точнее, сторожевые и охотничьи псы Пастырей. Я и сам-то видел, как они выглядят, только на картинке. Но один парень из нашего отдела, Наблюдающий по Чехии, наводил их на цель. Тогда они изымали марвел, обнаруженный в частной коллекции какого-то отставного мафиози.

Тот ни за что не хотел расставаться с дорогой безделушкой, естественно, не догадываясь о истинном предназначении артефакта. Замок его, кстати, охраняла почти рота профессиональных охранников. Рука, ну пятерка ноктопусов, пришла по измерениям, и они вырезали всех. Всех, понимаешь?! Но меня поразило даже не это... На всю операцию, учитывая проникновение в подвалы замка, где и хранилась коллекция, изъятие марвела и отход на базу, ушло шесть с половиной минут! Ты представляешь: пять ноктопусов убили девяносто четыре человека за шесть с половиной минут!

– Да уж... – Илья передернул плечами, – на кого они хоть похожи?

– На двух с лишним метровых восьмипалых горилл в черной энергопоглощающей броне, – туманно ответил Зава и замолчал, задумавшись.

– Погоди-ка! – вскинулся Илья. – Это что же выходит? Если бы твой рапорт дошел, к нам сюда тоже прибыли бы эти... ноктопусы? И тоже всех вырезали?

– Вряд ли. Думаю, мне бы удалось убедить Торлецкого отдать Ларец Желаний добровольно... – ответил Зава, но Илья почувствовал, что его друг не очень-то уверен в своих словах.

– Ну у вас там и деятели! – возмущенно покачал головой Илья. – Что, Пастыри вообще человеческую жизнь ни в грош не ставят? Вот твари!

– Илюха, не злись. Тебе не понять этого. Пастыри желают людям добра, и в тех странах, что входят в орбиту Великого Круга, люди живут счастливо...

– Вадим, – тихо сказал Илья, – а ты сам-то веришь в это? Только честно – веришь?

– Веришь – не веришь... Это субъективные понятия. Я владею фактами, статистикой. С цифрами не поспоришь! – запальчиво выкрикнул Зава.

– Да ладно тебе, не кипятись! – Илья примирительно хлопнул друга по спине и сменил тему: – Ты, помнится, обещал мне про Хтонос рассказать и клубок какой-то показать спящий...

– Не клубок, а кубло, – поправил его Вадим. – Послезавтра давай, хорошо? А что касается Хтоноса...

– Мальчишки! – дверь квартиры Завадских распахнулась, и мать Вадима, Варвара Олеговна, выглянула в подъезд: – Илья! Ну хватит тут атмосферу портить своим дымом! Давайте-ка – к столу! Быстренько! Сейчас горячее будем подавать!

Пришлось прервать разговор, и таинственный Хтонос так и остался для Ильи загадкой...

* * *

Свернув с проспекта Вернадского на забитую машинами улицу Удальцова, Зава вскоре перестроился в крайний правый ряд и припарковал «Троллер» у обочины.

Едва друзья выбрались из джипа, как ледяной ветер тут же атаковал их, принявшись трепать одежду, бросать в глаза мокрый снег, толкать то в спину, то в грудь.

– Ну и погода! – прошипел Илья, поднимая воротник.

– Кстати, Хтонос напрямую связан с погодой. В Великом Круге считают, что те изменения, которые происходят с климатом в последние годы, связаны с грядущей активностью хтонических тварей, причем активностью небывалой. Они спали, спали долго, пятьдесят с лишним лет, но всему на свете когда-то приходит конец...

– Вадим, ты мне когда-нибудь про Хтонос этот толком все объяснишь, нет? Что за твари, откуда, чем опасны? – крикнул в спину уверенно шагавшему вдоль дороги Зава Илья.

– Расскажу! – крикнул в ответ Вадим, прикрывая лицо от ветра. – А тварей ты сейчас сам увидишь! Давай догоняй!

Вскоре друзья свернули с дороги и углубились в парк. Голые мокрые деревья гнулись на ветру, словно отбивали поклоны невидимым властелинам древесного мира. Рваные низкие тучи неслись по серому небу, и Илье временами казалось, что они сейчас раздерут свои полные стылой влагой брюшины о верхушки мокрых тополей.

По заваленной прелыми листьями и заляпанной снежной кашей дорожке Зава вскоре привел Илью к небольшому, одноэтажному домику за железным зеленым забором. На гнутых воротах косо висела табличка: «Администрация парка имени 50-летия Октября».

Вадим достал из кармана ключ, уверенно отпер калитку.

– Там что, никого нет? – удивился Илья.

– Там никогда никого нет... – уголком рта усмехнулся Зава. Выглядел он сейчас сосредоточенным, серьезным, словно перед трудным экзаменом.

Они вошли в небольшой внутренний дворик. Старый уазик со спущенными колесами, какие-то тачки, груда парковых скамеек, метлы и лопаты, сваленные прямо на землю, словом, мерзость запустения царил здесь повсюду.

Поднявшись на трехступенчатое крылечко, Зава открыл дверь, пропустил Илью вперед, огляделся и скрылся в доме.

Первые неприятные ощущения Илья почувствовал еще в тесном коридорчике, ведущем к подвальной двери. Он словно бы окунулся с головой в затхлую воду давно нечищенного пруда. Грудь сдавило, в висках запульсировала боль, перед глазами поплыли темные пятна.

Зава тем временем открыл дверь в подвал и начал спускаться по каменным ступенькам, подсвечивая себе фонариком.

Лестница оказалась неожиданно длинной. Пролет следовал за пролетом. Спартанская простота угнетала – бурый камень ступеней, серая известняковая бутровка стен. И жуткая тишина, нарушаемая лишь пыхтением Завы да шорохом их собственных шагов.

– Прям как у этого... Вергилий... Овидий... А, вспомнил, – Данте! «Земную жизнь пройдя до половины...» Лестница в адские глубины! – попытался пошутить Илья, но Вадим зашипел на него:

– Вот только не надо сейчас юмора, особенно доморощенного! Помолчи...

Спустившись метров на тридцать, друзья остановились у низкой железной двери.

– Все... – тяжело дыша, прохрипел Вадим, опираясь рукой о стену, – дальше пойдешь один... Мне туда... лучше не соваться... И так... чуть живой...

Внутренне содрогнувшись, Илья ухватился за холодную дверную ручку и потянул на себя. С противным скрипом дверь отворилась, открывая проход в большой темный зал, подсвеченный снизу желто-багровым светом.

В нос ударил странный запах – смесь гнили, подвальной сырости и чего-то горелого.

– Осторожнее там! К краю... к краю близко не подходи! – приглушенно крикнул в спину Илье Зава, – и не задерживайся! Посмотришь – и назад!..

Зал, а точнее, почти круглая пещера с неровным каменистым полом и бугристым, усеянным черными пятнами гари потолком показалась Илье похожей на живое существо, этакую гигантскую амебу. Она втянула в себя, поглотила маленького человечка, дерзнувшего нарушить ее уединенный покой, и теперь Илья двигался в прозрачном чреве амебы, приближаясь к ее ядру.

Ядро это представляло собой большую пологую воронку, расположенную почти в центре. Багровый свет шел из глубины воронки, и запах гари исходил, видимо, оттуда же.

«Кубло, – понял Илья. – Слово-то какое мерзкое! Господи, если москвичи узнают, какая жуть находится у них под ногами...»

Но оказалась, что все увиденное до этого жутью не было. Жуть началась, когда Илья приблизился к краю воронки и заглянул вниз...

Там, в желто-бурой, похожей на сукровицу, светящейся жиже ворочались, переползая с места на место, настолько отвратительные, настолько мерзкие создания, что Илья непроизвольно вскрикнул и попятился, с трудом подавляя рвоту.

Твари Хтоноса были похожи на людей и зверей с содранной кожей. Большие ушастые головы, непропорционально длинные руки у одних, нелепые вытянутые шеи и рахитичные, голые кожистые крылышки у других. Третьи имели свиные копытца вместо ног и шишковатые наросты на спине.

Временами среди этих созданий проглядывали и другие, поднявшиеся, видимо, из глубины кубла. Илья заметил отвратительно толстую женщину с множеством грудей, синюшного ребенка, а точнее – карлика с непомерно большим и извивающимся, словно змея, членом. Мелькнуло какое-то морщинистое, похожее на обезьяну существо с кабаньей мордой...

«Вадим правильно назвал их – твари! – подумал Илья. – Сюда бы огнем. Или пару противотанковых фугасов...»

От кубла шел ощутимый жар. Населявшие его создания двигались неторопливо, словно кипящие на медленном огне куски мяса в котле, помешиваемые невидимым половником. При этом глаза всех без исключения тварей были закрыты. Они спали или находились в странном оцепенении, словно их одурманили или зачаровали.

Но несмотря на отвращение и чувство гадливости, было, было в кубле что-то притягивающее, манящее. Илья всмотрелся в завораживающее кипение удивительных существ, и тут на него, что называется, «накатило»...

В ушах возник странный, мелодичный и приятный звон, ноги ослабли, и перед опустившимся на теплые камни Ильей начали разворачиваться нереальные, фантастические образы и целые ожившие картины. Он видел:

...огромная птица с разноцветными перьями и белыми лебедиными крыльями. Птица сидит на узловатом суку неохватного дуба, шелестящего густо-зелеными листьями. Вот она повернула точеную, в короне ярко-синих перьев голову, и Илья вздрогнул – на него смотрело женское полное неземной красоты лицо. Вздрогнули мягкие пушистые ресницы и пронзительно-голубые глаза заглянули, казалось, в самую душу...

...ночной лес. По густо-синему, усыпанному мириадами звезд, небу медленно плывет пылающая луна. Зеленоватые светлячки перемигиваются меж темных стволов, шелестит листва под ночным ветерком. На поляне, у старого поросшего мхом и коричневыми опятами пня замер человек. Нагое тело его было разрисовано загадочными знаками, голову венчает венок из колючих ветвей шиповника, а в руке человек сжимает короткий нож с вороненым лезвием.

Тук! – нож воткнулся в пенёк, человек чудно, боком перелетел через него, и на густую траву опустилось уже совсем другое существо – зубастая пасть, серый жесткий мех, торчащие чуткие уши. Спустя мгновение волк, коротко взрыкнув, исчез между деревьями...

...изумрудный луг ранним летним утром. В низинках еще лежат островки жемчужного, мягко светящегося тумана, а из-за дальнего леса разгорается огромное, в полнеба малиновое зарево рассвета. Тихо журчит река, огибающая луг. Замер на опушке леса сохатый, внимательно огляделся. Большие ноздри его с шумом втянули воздух, уши зашевелились, под покрытой коричневой остяной шерстью шкурой напряглись могучие мышцы.

Фыркнув, лось присел – и вдруг бросил себя в частую, быструю рысь. Затрещали ветки, зашумели кусты, и лесной исполин скрылся в чаще.

А на луг, словно соткавшись из утреннего тумана, с протяжной песней выходили тоненькие, русокудрые девушки. Мягкие, плавные движения, удивительная грация и нечеловеческое совершенство их возбуждали, манили, вели за собой.

Девичий хоровод медленно кружился, приближаясь к одинокому стожку у реки. Тихая песня все плыла, все не кончалась, все звала куда-то...

Вдруг хоровод рассыпался. Золотыми облачками взметнулись волосы. Грянула над лугом бесовская, дурная музыка, и в такт ей девушки ударились в бесстыдный пляс, задержались, высоко подкидывая точеные ножки, трясая налитыми грудями, прихлопывая себя по животам и бедрам.

Спящий в стожке парень на четвереньках выбрался наружу, ошалело огляделся. Вокруг него тут же завертелась срамная карусель из девичьих тел. Хором пропели бесстыдницы:

*А скажи-ка, дружка,
Полынь или петрушка?*

Парень пробормотал что-то, но, видимо, ошибся, и торжествующий многоголосый вопль поглотил его слова. Танцующие накинулись на него со всех сторон, подхватили и потащили к реке, в исступлении хохоча и подпрыгивая...

...Илья очнулся резко, рывком. Бешено колотилось сердце, во рту стоял мерзкий привкус рвоты. Пошевелившись, он попробовал встать и тут понял – на него кто-то смотрит. С трудом приоткрыв налитые свинцом веки, Илья глянул в сторону кубла – и обмер.

На краю багряной воронки сидело жуткое, кошмарное существо. Большая ушастая голова, безгубая пасть, усеянная множеством мелких, игольчатых зубов, короткое мускулистое тело, кривые маленькие лапы и длинный голый хвост, по тигриному хлещущий по бокам монстра.

Но самым ужасным были глаза. Из-под кожистых век на Илью со странным интересом взирали янтарно-желтые огромные буркала, и черные вертикальные зрачки казались трещинами, сквозь которые проглядывала космическая бездна...

Охваченный ужасом, Илья принялся ползти в сторону двери, отталкиваясь ногами. В голове скакали дикие мысли: «Вот и все! Твари проснулись... Сейчас они меня...»

– Пригнись! – Голос Завы гулко раскатился по подземелью. Илья как полз боком, так и припал к земле и некстати вспомнил, что когда-то, на войне, ему тоже не раз приходилось вжиматься, вращать в чужую каменистую землю и молить Бога, чтобы визжащая смерть, что носилась в воздухе, не заметила его...

Зава перепрыгнул через Илью, выхватил из кармана знакомую табакерку и принялся щепотка за щепоткой бросать в сторону выползшего из кубла существа белый порошок.

– М-и-и-а-у! – оглушительно взвыл хвостатый монстр и медленно, неохотно принялся пятиться, отступая от белой завесы, вставшей в воздухе. Вскоре он скрылся за краем воронки и канул в кубло.

– У-ф-ф-ф! – Зава убрал табакерку с нейтрализующим энергетические поля порошком, схватил лежащего Илью за руку. – Уходим отсюда, быстро! Давай, Илюха! Как это ни банально звучит, но промедление смерти подобно!

Кое-как они выбрались на лестницу. Вадим затворил дверь, ведущую в пещеру, задвинул тяжелый засов. И только после этого к Илье вернулась способность двигаться и сообщать.

– Что... Что это было?! Что за зубастик выполз из этой... из этого... Тьфу, гадость! – Илья согнулся, и его вырвало желчью на каменные ступени.

– Честно говоря, о пробуждении одной сущности при общем спокойствии всего кубла я еще не слышал, – скорее про себя, чем обращаясь к Илье, хрипло сказал Зава. – Видимо,

гипотеза о том, что твари Хтоноса способны пробуждаться в период погодных буйств – не просто теория... Давай-ка подниматься, чем быстрее и дальше мы отсюда уберемся, тем лучше...

– Ох... Бля, тьфу! Ну и прогулку ты мне устроил! – кое-как утершись, Илья зашагал вверх по ступеням следом за другом.

– Ты попал под выброс хтонической энергии. Это как выдох кубла, понимаешь? Случается он не часто, раз в год или того реже. Кто ж знал, что все так совпадет... Видения были?

– Угу... – Илья кивнул, – на самом деле прикольно было... Только страшно очень. Птица с женским лицом, оборотень, русалки. Они чувака какого-то схватили...

– Типичные галлюцинации, наведенные Хтоносом, – уверенно сказал Зава. – Но вот почему пробудилась всего лишь одна из тварей... Ладно, после поговорим, давай, темпо, темпо!

* * *

Когда друзья выбрались на поверхность, Илья кое-как отряхнул свое измазанное грязью пальто и спросил у Вадима:

– И много под нашим городом таких вот котлов?

– Много, Илюха. Семь спящих, двенадцать заглушенных, один – прорастающий, но его уже готовят к заглушке, – ответил Зава, запирая дверь в подвал.

– А почему нельзя заглушить и эти, спящие?

– Нельзя. Твари Хтоноса проснутся, произойдет выброс энергии и, вероятнее всего, прорыв. Тогда Великому Кругу придется бросать сюда отряды ноктопусов, вступать в открытое противостояние, а это чревато... Человеческие жертвы, разрушения, обострение международной обстановки...

Илья выругался сквозь зубы и поинтересовался у друга:

– А чем вообще опасны эти... из кубла? Они нападают на все живое?

– Нет, – Зава запер калитку и махнул в сторону дороги: – Давай-ка мы сейчас поедem в какое-нибудь уютное местечко, где варят хороший кофе, позавтракаем по-человечески, согреемся, и я тебе наконец все расскажу...

* * *

«Уютным местечком», выбранным Завой, оказался небольшой ресторанчик на пересечении Ломоносовского и Ленинского проспектов.

Полтора десятка столиков, псевдоевропейский интерьер и множество тяжелых пурпурных гардин. Илье подумалось, что ресторан часто арендуют для проведения поминок – уж очень антураж располагал.

Полистав меню, Илья скривился – цены не просто кусались, а прямо-таки норовили вцепиться в посетителя мертвой, питбульской хваткой. Но Вадим решительно отобрал у него кожаную папку с перечнем блюд и напитков и сообщил, что «контора платит за все».

Впрочем, принесенный расторопным официантом кофе быстро примирил Илью с действительностью. Прихлебывая обжигающий ароматный напиток мелкими глотками, он почувствовал, что дикое напряжение, охватившее его в пещере, постепенно отступает.

– Эх, сейчас бы вмазать чего-нибудь сорокаградусного! Грам эдак триста! Да под соляночку! – Илья прищелкнул языком.

Зава иронично выгнул бровь, выразительно посмотрел на часы и покачал головой:

– Осмелюсь напомнить, друг мой, что сейчас без двух минут девять часов утра! Не знаю, как тебя, а меня сегодня ждет масса неотложных дел, и потом – я за рулем...

– Ну ты совсем иностранцем заделался, Вадик! – Илья скривил губы. – А где же размах? Где широта русской души? Где, в конце концов, твоя бывшая удаля? Мы тут такое пережили... Надо ж как-то релакснуть, успокоиться, в себя прийти?

– Валерьяночки дерябни, – сварливым голосом предложил Зава, – у меня есть с собой, не хочешь? А вообще, постарайся понять, что то, что ты сейчас чувствуешь, – не совсем на самом деле происходит...

– Это как? – Илья напрягся, обвел взглядом соседние столики, словно бы боясь, что они вдруг исчезнут.

– Видишь ли, Хтонос опасен в первую очередь тем, что энергетические поля, окутывающие его тварей, оказывают на людей очень сильное и всегда непредсказуемое влияние. Вот и ты... пострадал. Ничего, скоро это пройдет.

– Ладно, будем считать, что я невменяем, – улыбнулся Илья. – Проехали! Но все же – откуда он взялся, этот Хтонос?

– Начну по порядку... – Зава уселся поудобнее, отпил глоток кофе и спросил: – Вот как, по-твоему, возникла Вселенная?

– Ни хрена себе вопросик! – присвистнул Илья. – Ну, не знаю... Сначала не было ничего... Потом из этого ничего возникло нечто... Из нечто появилось что-то... Оно стремилось в одну точку, а когда все там собралось, ба-бах! – Большой Взрыв, и материя полетела в разные стороны, по пути формируясь в вещества разные, а те, в свою очередь, – в звезды, планеты, квазары, пульсары и прочие черные дыры. По крайней мере, папахен мой в далеком детстве мне вот так вот все объяснял...

– Да-а... Впечатляет! – усмехнулся Зава, – особенно про ничего, нечто и что-то... Впрочем, не суть. Скажу я тебе, друг Илюха, что все это – теория Большого Взрыва, самоорганизация материи – чепуха.

– Ну хорошо, тогда так: жил-был Бог. Сидел он в пустоте и скучал. А потом решил: а сотворю-ка я Вселенную. Ну, и сотворил...

– Снова мимо, – серьезно сказал Вадим и решительно прихлопнул ладонью по столу. – А теперь слушай, как оно все было на самом деле...

Вначале был Хаос. Он был всегда, он есть сейчас и он всегда будет. Это данность, и спорить с этим бессмысленно. Потом возник Кратос. Это греческое слово, оно означает «власть», «сила». Под действием Кратоса Хаос начал приобретать...

– Погоди, погоди, – перебил друга Илья, – а откуда взялся этот самый Кратос?

– Из Хаоса. Это тоже данность – за миллиарды лет Хаос породил Кратос, а Кратос частично упорядочил Хаос. И вот тогда возник Хтонос... Буквально это можно перевести как «подземный, темный», но это просто старое значение слова, не обращай внимания. Хтонос же породил жизнь, исторг ее из своей утробы. Но в мире Хтоноса не было порядка, не было Космоса...

– Опять же погоди! – Илья допил кофе, махнул рукой официанту, мол, повторить, и повернулся к Заве: – То есть ни звезд, ни планет не было?..

– Космос по-гречески – «порядок». Звезды и планеты были. Порядка не было. Ибо порядок – это логика, а Хтонос иррационален. Понимаешь? И лишь когда возник Атис...

– А это что зверь?

– Атис – латинское слово, переводится примерно так же, как Кратос, но имеет несколько иной смысл. Кратос – это дикая, первобытная, необузданная, разрушительная сила, а Атис – сила разумная, направленная, созидательная. Это как дубина и скальпель хирурга, понимаешь?

– Ну, так... в общих чертах... – Илья пожал плечами, – а ты попроще не можешь объяснить? Ну, на примерах, что ли...

– Хорошо! Будут тебе примеры. Вот наша Земля. Когда она возникла? В какой период? – Зава перевернул опустевшую кофейную чашечку на блюдце и посмотрел на Илью взглядом экзаменатора.

– Хм... Наверное, в эпоху, когда Хаос прогнулся под этим... который дубина... под Кратосом... – неуверенно сказал Илья.

– Молодец! Оценка – пять! Именно тогда. Но какой была Земля в этот период?

– Дикой? Первобытной? Динозавры жрали друг друга и вообще... – воодушевившись похвалой, Илья начал говорить бодро, но потом несколько скис.

– В общем и целом ты прав. Только динозавры и вообще жизнь появились потом. Но ты уловил главное: именно из этой дикой первобытности, говоря твоим языком, и возник Хтонос, понимаешь? Его родители – это бушующие энергии Хаоса и неукротимые силы Кратоса. А уж потом появились и амебы, и рыбы, и земноводные, и динозавры. И предки человека, кстати говоря...

– То есть ты хочешь сказать, что все мы – дети Хтоноса?

– Нет. Мы – нет. Разум зародился в людях как предвестник торжества Атиса. И древние властители, те, что создавали марвелы и с их помощью меняли негативную, иррациональную, разрушительную энергию Хтоноса на созидательную, управляемую, марсельную энергию Атиса, – лучшее тому подтверждение.

Им почти удалось победить Хтонос, загнать его туда, где ему и место, – в глубины Земли, в ее энергетическое нутро, в котором до сих пор ярятся еще древне силы Хаоса и Кратоса. Но коварный Хтонос сумел собрать силы и нанести сокрушительный удар, вызвать страшную катастрофу, в результате которой почти все властители погибли, а их дело, их труды на долгие тысячелетия оказались погребены под толстыми пластами невежества, дикости и варварства.

Хтонос восторжествовал на планете, и человечество на долгие тысячелетия погрузилось во тьму. И лишь Основавший, эрри Сатор Фабер, Первый Пастырь, сумел вернуть людей к цивилизованному пути развития.

Это оказалось очень, очень трудно. Несколько столетий Пастыри изгоняли силы Хтоноса за пределы человеческой среды обитания, отбивая у них страну за страной, державу за державой. Кубла глушили, единичных тварей успокаивали, темную энергию Хтоноса преобразовывали в чистую, созидательную марсельную энергию.

В общем-то, битва со Хтоносом идет и по сей день. Этим, Ильюха, и объясняется во многом та разница в развитии и уровне жизни различных обществ, существующая на Земле и так режущая глаз господам политкорректным гуманистам...

– Погоди, погоди... То есть вот там, в Европе и в Америке, Пастыри победили Хтонос – и все стало зае... хорошо, я хотел сказать, да? А у нас тут кублы эти, и поэтому мы живем плохо?

Зава повертел кофейную ложечку в руках, аккуратно положил на стол:

– Я понимаю, что тебе это кажется очень несправедливым, но в принципе все так и есть. Вот только виноватых тут нет. Дело в том, что распределение очагов Хтоноса по поверхности нашей планеты весьма неоднородно. Скажем, в некоторых странах, преимущественно островных – Японии, Англии, Новой Зеландии, Исландии – кубел фактически нет, нет зон прорывов, и даже точечные пробои хтонических энергий – мы их называем гриффонами – отсутствуют.

Но логику тут искать бессмысленно, потому что на других островах, скажем, на Индонезийском архипелаге или на Филиппинах, очагов Хтоноса предостаточно.

Всего пять кубел, меньше, чем под одной только Москвой, обнаружено на территории США. Но стоит только пересечь тридцатую параллель и двинуться на юг, как очаги Хтоноса начинают встречаться все чаще и чаще... Центральная и Южная Америка просто усеяна ими,

и несмотря на все наши, я имею в виду Великий Круг, усилия, заглушить удалось не более четверти всех кубел, в основном возле крупных населенных пунктов.

Немало очагов в Африке, есть в Австралии... Но печальным рекордсменом в этом сомнительном соревновании выступает Россия. Семьсот девяносто два кубла! Целые зональные области Хтоноса, совершенно неподдающиеся учету количество грифонов... Скажу тебе откровенно, Илюха, – Великий Круг сегодня просто не может себе позволить вступить в открытое противостояние с тварями Хтоноса здесь, в России. На это уйдут едва ли не все ресурсы стран, входящих в орбиту Великого Круга.

– Да-а-а... – протянул Илья. В голове его роилось множество вопросов, и он не знал, с какого начать. Информация, вываленная Завой, требовала осмысления, но где-то в глубине души Илья понимал – никаких оптимистичных выводов из всей этой жутковатой истории про Хтонос сделать не удастся. Как говорится: все плохо было, есть и будет...

Зава не заставил себя ждать и совершенно добил Илью, выдав новую порцию сведений:

– Тут еще вот такая штука, Илюха. Активность Хтоноса связана с природными процессами. С погодой – ты сам сегодня убедился в этом, с магнитными бурями... Но это так называемая тактическая активность. А есть еще стратегическая. Ее периоды исчисляются десятками лет. Последний такой период, длившийся без малого полвека, начался в самом конце девятнадцатого столетия и закончился в сороковые годы века двадцатого. Хтонос бушевал тогда по всей планете. Безумие охватывало целые народы, до этого считавшиеся надежной опорой Великого Круга. Мало того! Разрушительному воздействию тварей Хтоноса подверглись и сами Пастыри. Эрри Дикс, Пятая спица Великого Круга, и с ним еще девять Пастырей бросили вызов всему миру. Это была эпоха тотальных войн, в которых погибли десятки миллионов людей, и если бы не наши соотечественники, еще не известно, как бы все обернулось...

Потом Хтонос успокоился. Кубла уснули, активность хтонических тварей пошла на убыль и к середине двадцатого века прекратилась вовсе. На протяжении пятидесяти лет Хтонос спал. Великий Круг провел в этот период огромную, не побоюсь этого слова, работу. К восьмьдесят пятому году в России, тогда СССР, удалось заглушить свыше трехсот спящих кубел.

В те годы реализовывали такие проекты – ух, закачаешься! Например, в 1988 году в Иркутской области с помощью пяти высших марвелов – Ока Тигра, Луча, Свернутого Хвоста и прочих – была остановлена хтоническая активность на территории, равной площади Нидерландов и Бельгии, вместе взятых! Там такой интересный метод применили – вынос пространственной массы и темпоральную консервацию. Жаль только, что впоследствии на подобные акции Генеральная Ассамблея Великого Круга наложила запрет...

– Почему? – не понял Илья.

– Да там, когда марвельные энергии накрыли зону и приостановились темпоральные процессы, сбой произошел. Ну, и в область пересечения влияний разных марвелов попал пионерский лагерь... В те времена, когда то атомная станция взорвется, то лайнер утонет, то топливopовод рванет, то самолет в Швецию угонят, на этот инцидент никто особого внимания здесь, в России, и не обратил. А вот Пастыри сочли подобное негуманным...

– Погоди, погоди, – Илья полез за сигаретой, – ты хочешь сказать, что в ходе этой вашей операции целый пионерлагерь погиб?

– Ну, не погиб, а... – Зава замялся, – там мутная история... В общем, насколько я знаю, почти всех нашли. Они живые оказались, но... не в себе, понимаешь? Лечили их долго. А вот семь человек малышни пропали. Бесследно... Но пойми, Илюха, если бы Великий Круг не остановил Хтонос, все было бы много хуже, и уже для тысяч и тысяч людей!

– Гуманисты, мать твою!.. – еле слышно пробормотал Илья, но Вадим не расслышал и, воодушевившись, продолжил:

– Затем уже после Перестройки, которая была не чем иным, как началом процесса по подготовке нашей страны к вхождению в орбиту Великого Круга, Пастыри заглушили еще двести пятьдесят кубел. Все шло по плану, но Книга Паука в девяносто восьмом году неожиданно выдала незапланированное пророчество...

Зава закатил глаза, пошлепал пухлыми губами и на память прочитал:

*И встанет из мрака прошедших эпох
Темная Дева зла.
И тучи ее ядовитых спор
Падут на мир, как зола...*

– Ну, и так далее... Перевод на русский язык мой, там еще много, а смысл таков: Хтонос вновь соберется атаковать Великий Круг, и у него будут прямые помощники из числа оболваненных, замороченных им людей. Великий Круг считает, что эти помощники, мы их называем Слепцами, неосознанно постараются вызвать некие природные катаклизмы, дабы пробудить тварей Хтоноса. И произойдет это скорее всего здесь, в России...

За столом воцарилась тишина. Зава допил кофе, взял меню и жестом подозвал официанта. Илья, пораженный, тупо созерцал абстрактный рисунок, украшавший салфетку. Вытащенная из пачки сигарета так и осталась лежать на скатерти. Минут пять, пока Вадим делал заказ сразу за двоих, он молчал, затем вытолкнул из себя вопрос:

– Вадик, стало быть, тут... у нас... скоро начнется война? Ведь, если я правильно тебя понял, в прошлый период активности Хтоноса произошли сразу две Мировые войны и еще куча войн поменьше?

– Великий Круг не исключает такую возможность, – серьезно кивнул Зава. – Третья мировая война – это и впрямь реальность. Члены Великого Круга, занимающие руководящие посты в правительствах развитых стран, постараются не допустить этого, но если у Хтоноса действительно найдутся могущественные помощники, если Слепцы, а уж тем паче Пастыри, подобно эрри Диксу, вновь бросят вызов цивилизации... Великий Круг будет сражаться!

– Так надо же бить во все колокола! – воскликнул Илья, взмахнув рукой. – Надо довести информацию о Хтоносе до людей, надо предупредить их...

– Нет! – Зава решительно прижал ладонь Ильи к столу, подался вперед. – Ни в коем случае! Утечка информации вызовет панику среди населения, а кроме того, не исключено, что некоторые люди, облеченные властью, да те же Слепцы, решат, что они в состоянии использовать Хтонос для достижения собственных целей, понимаешь?

Возле столика, за которым расположились друзья, возник официант с подносом, и разговор пришлось прекратить. Пока он расставлял тарелки и раскладывал приборы, Илья судорожно пытался найти какой-то выход из описанной Завадским ситуации, но мысли путались. Над его страной, над его близкими и знакомыми нависла страшная угроза, но сделать ничего нельзя. Где-то далеко все за всех решил загадочный Великий Круг, а он и с ним вместе сотни миллионов людей могут лишь наблюдать за происходящим, в свой черед попросту превратившись в жертвенных животных, в пушечное мясо, в статистов, не имеющих никакой возможности повлиять на участников древнего, как сама Земля, противостояния...

Когда официант, пожелав им приятного аппетита, ушел, Илья неожиданно для себя самого спросил:

– Ты вот все про Великий Круг говоришь... А какой он? Сколько их вообще, этих твоих Пастырей? Может, они и сделать-то ничего не смогут...

Вадим, поддев вилок маслину, опешил:

– Ну и вопросы ты задаешь! Это ж... конфиденс, секретная информация. Впрочем, все равно... Ладно, слушай: структура Великого Круга проста и эффективна. Во главе стоят двое

– Поворачивающий Круг и Стоящий-у-Оси. Восемь Спиц образуют Внутренний Круг. Держащие Круг, их шестьдесят четыре – Внешний. И плюс сто двадцать восемь Пастырей носят титул Стоящих-у-Круга. Однако этим число Пастырей не ограничивается. Есть еще департаменты и отделы, есть три отдельных комитета и две комиссии. Возглавляют их, естественно, тоже Пастыри. Наконец, довольно много Пастырей не участвуют напрямую в делах Великого Круга и живут сами по себе, лишь раз в пять лет съезжаясь в Корнуолл на Генеральную Ассамблею...

– Вадик... Ты вот мне все это рассказываешь, рассказываешь... Я так понимаю, этот твой Великий Круг особого секрета из своей деятельности не делает, да? И это ведь не случайно, так? И вообще – ты ни словом не обмолвился, что у вас там решили относительно нас – графа, майора, Яны, Мити... Развей мои нехорошие догадки, ага?

– Хм... Я не хотел тебе говорить, Илюха. Ты только не злись сразу, ладно? – Зава вздохнул, и Илья с содроганием заметил, как во рту у Вадима мелькнул уже виденный им черный раздвоенный язык, скользящий по пухлым губам.

– погоди, а вот это... ну, когда вы облик меняете, – это тоже необходимо? – перебил Илья друга.

Зава снова вздохнул, досадливо скривился:

– Ах это... Марвельные энергии изменяют людей, ты же графа видел, но не настолько, чтобы превращать их в монстров. А это все – уши там, рожки, языки, глаза, чешуя, гребни, шипы – это все дань моде и традиции. Я себе вообще зря все это сделал, поддался поветрию. И вот теперь, когда нервничаю, – оно и проявляется... Сбил ты меня, Илюха! Я про другое, про важное хотел сказать...

Он отложил вилку и посмотрел другу в глаза:

– Словом, вы все, вовлеченные в историю с Удбурдом и Ларцом Желаний... Вы должны все забыть. Ну, не сразу, за месяцок примерно. И не все, точнее, не совсем все...

– То есть как?! – задохнулся Илья. В голове у него будто вспыхнул огненный шар, перед глазами все поплыло. Самым обидным в этой ситуации было то, что услышать нечто подобное он ожидал, поскольку давно понял: Пастырям глубоко плевать на людей, они для этих рафинированных магов и радетелей за абстрактное счастье для всего человечества – всего лишь скот, безгласные овцы, которые должны идти туда, куда укажет пастух...

– Илья, Илюша! Спокойно! – Зава поднял руки в примирительном жесте. – Не все так ужасно! Вы будете помнить друг друга, меня, конечно же, из памяти сотрутся лишь некоторые трагические обстоятельства – все эти события, связанные с оживлением мертвых, Удбурдом и Ларцом Желаний. Это, разумеется, не коснется графа Торлецкого, он, как ни крути, Пастырь, и с ним будут работать специалисты из поисковой комиссии...

– Ты... Ты... Да как ты мог вообще? – каким-то тонким, обиженным, детским голосом выкрикнул Илья. Зава, виновато улыбаясь, приложил палец к губам, мол, ну что ты расшумелся, вон люди уже оборачиваются, смотрят.

– И про Хтонос? И про все, что сегодня было, я тоже забуду? – немного успокоившись, спросил Илья.

– Увы... – Вадим развел руками, – пойми, Илюша! Таковы правила, и не я их устанавливал! Я всего лишь клерк, скромный солдат в армии, бьющейся за вас... за нас, за людей.

– Спа-асибо, радетель! Спасибо, что живущими и смертными не назвал! – Илья вскочил и склонился в шутовском поклоне. Когда он выпрямился, в глазах его полыхал суровый огонь ненависти.

– Пошли твои Пастыри и ты сам к гребаной матери! – отчеканил Илья. – В жопу себе засунь свои угребищные идеалы и всю ту муйню, которую ты тут мне задвигал! Все, адьес! Привет Великому Кругу, мать его перегреб...

С грохотом отодвинув стул, Илья швырнул на стол смятую пятисотрублевку и бросился к выходу. Вскоре жалобно тенькнувший колокольчик на двери известил Заву, что его друг покинул ресторан.

Вадим Завадский некоторое время сидел без движения, разглядывая тот же самый узор на салфетке, что несколько минут назад изучал Илья. Потом бывший Наблюдающий второй ступени тяжело вздохнул и вынул из кармана прозрачный кристалл, в глубине которого плавала золотая искорка.

Положив артефакт, известный в каталоге марвелов, разрешенных для Наблюдающих, как Пирамида Забвения, на стол, Зава занес уже руку, дабы активировать его, но потом замялся, воровато оглянулся и сунул кристалл обратно в карман.

– У меня еще три дня, и задействовать Пирамиду я успею. Надо еще раз поговорить с Илюхой. Надо... – пробормотал Зава и завертел головой в поисках официанта, чтобы расплатиться.

И никто в полутемном зале ресторана не обратил внимания, как из-под крайнего столика к двери, ведущей в подсобку, метнулась серая крысиная тень...

Интердум примус

Эрри Орбис Верус и недавно избранный Великим Кругом новый Стоящий-у-Оси, эрри Аркс Стипес, сидели в глубоких креслах у ярко пылающего камина. Ампирная гостиная древнего замка Маргат, удаленная волей верховных Пастырей из мира живущих и смертных в другое измерение, своим уютным интерьером располагала к неторопливой беседе за бокалом хереса.

– Почитаемый эрри, прежде чем мы перейдем к делам, хотелось бы поинтересоваться, что слышно от Следящих? – эрри Аркс Стипес внимательно посмотрел на Поворачивающего Круг.

– Как докладывал буквально вчера эрри Когус, незначительные возмущения Хтоноса отмечаются практически повсеместно, но они не превышают фоновых значений.

– А как же тогда быть с последним пророчеством Книги Паука?

– Мы начеку, почитаемый эрри. В частности, уже принято решение о создании специальной Высокой Комиссии, Элатус Онис, которая отправится в страну Изгнанных еще до конца этого года.

– Вот как? – эрри Аркс удивленно приподнял бровь. – Опасность настолько реальна?

Поворачивающий Круг вздохнул, поставил опустевший бокал на пестрый инкрустированный мавританский столик и ответил, глядя в огонь:

– Аналитики из команды эрри Стрептуса уверены, что готовится масштабный прорыв Хтонических тварей, вплоть до реинкарнации Той-Которой-Нет, Темной Девы...

– Но это же... – Стоящий-у-Оси в изумлении запустил руку в свою окладистую бороду, зашевелил губами, подбирая слова, – ...это же угрожает всему Великому Кругу! То, что создалось веками, под угрозой!..

– Спокойнее, почитаемый эрри. Да, угроза велика, но мы принимаем меры. Могу отметить среди прочего, что двенадцать рук октопусов переброшены к границам страны Изгнанных. Они денно и ночно находятся в состоянии повышенной готовности. Кроме того, все Изгнанные извещены о грядущем прорыве и ради противостояния общему врагу готовы отринуть старые обиды...

– А эрри Удбурд? – едва Стоящий-у-Оси произнес это имя, как эрри Орбис Верус нахмурился.

– Вы совершенно точно вычленили самое проблемное звено. Я рад, что Держащие Круг не ошиблись в своем выборе, избрав вас Стоящим-у-Оси.

– Спасибо, почитаемый эрри, но все же вернемся к разговору, – эрри Аркс, привстав, поклонился собеседнику и вновь устремил на него свои темные, почти черные внимательные глаза.

– Итак, эрри Удбурд, – Поворачивающий Круг усмехнулся, – пожалуй, самый могущественный Пастырь из Изгнанных. Владелец Черепа Атиса, создатель Нового Пути, бывший Стоящий-у-Оси, непримиримый противник поступательного развития живущих и смертных. Бунтарь. Гений... Злодей! Из-за него Великий Круг навечно потерял Ларец Желаний...

– Я слышал, почитаемый эрри, что буквально на днях эрри Удбурд, до того скрывавшийся даже от Наблюдающих Великого Круга, проявил себя, дезактивировав Пирамиду Забвения...

– Удивлен вашей осведомленностью, почитаемый эрри! – Поворачивающий Круг на мгновение помрачнел: он не любил, когда из его ведомства случались утечки информации. – Да, это действительно так. Мы считаем, что неугомонный эрри Удбурд вновь затеял какую-то многоходовую дьявольскую комбинацию...

– Будут ли приняты меры по его нейтрализации? – осведомился Стоящий-у-Оси.

– В свете ожидаемого прорыва Хтоноса такой Пастырь, каковым является эрри Удбурд, куда полезнее для Великого Круга свободным и полным сил, нежели нейтрализованным и лишенным энергии. Надеюсь, я ответил на все ваши вопросы, почитаемый эрри, и теперь мы можем перейти к текущим делам?

– Без сомнения, эрри Орбис Верус...

Глава третья

Илья быстро шагал по Ленинскому проспекту, без разбору ступая в мутные стылые лужи. Ноги давно промокли, но он не замечал этого. Обида, душившая Илью, постепенно переродилась в злость, и злость эта требовала немедленного выхода.

«Твари! Одни твари кругом! Твари Хтоноса, твари Пастыри, и Зава – тоже тварь!» – ярился Илья, стискивая зубы и сжимая кулаки в карманах пальто.

Выпитый кофе разогрел кровь, но не принес ожидаемой бодрости. Наоборот, как ни старался Илья, его тело словно бы подчинялось чьей-то чужой воле – ноги то и дело заплетались, мышцы сотрясала странная, будто бы похмельная дрожь. Его бросало то в жар, то в холод.

«Да что со мной такое? Неужели это последствия посещения кубла? Зава сказал, что это скоро пройдет...» – Илья остановился у витрины Трансагентства, вытащил мятую сигарету и, отвернувшись от секущего дождя пополам со снегом, прикурил.

«Надо отвлечься. В ближайшие дни я все забуду. Ну и пусть! Не было ничего. Не было! Но Зава... Тоже мне друг... Сволочь! Скромный клерк... Тьфу! Может, на бумагу все записать, пока не поздно?» – последняя мысль показалась Илье здоровой, но он тут же понял, что это не поможет – вряд ли многомудрые Пастыри не учли все мелочи и нюансы.

– Молодой человек... – раздался у Ильи за спиной женский голос, – вам плохо? Как вы себя чувствуете?

– А? – он обернулся и увидел пожилую даму гламурной наружности, которая участливо смотрела на него.

– Что с вами?

– С-спасибо, все нормально... Я просто задумался, – выдавил из себя Илья, посмотрел на отражение в синеватом витринном стекле, возле которого стоял, и впервые за это сумасшедшее утро усмехнулся: «Хорош гусь! Грязный, мокрый, небритый, с потухшим бычком в руке. Так и впрямь за больного или наркомана посчитают...»

– Все кончилось! – вслух сказал он и неловко поклонился сердобольной даме. – Спасибо вам за чуткость, мадам!

И зашагал прочь, по-прежнему сжимая пальцами мокрый окурочок.

«Та-ак. Все, Илюха, все! Жизнь твоя делает крутой зигзаг! Хватит валять дурака, пора заняться делом. Значит, перво-наперво: решаю проблему с работой! Второе: женюсь! То-то радость для предков будет!» – от этой мысли Илье на мгновение стало тепло и хорошо. Он улыбнулся, перескочил глубокую, полную талого снега лужу и свернул к остановке – сквозь серую пелену маячил приближающийся троллейбус, облепленный яркой рекламой.

* * *

Вообще-то, две эти проблемы – работа и женитьба – давно являлись для Ильи главной трудностью в отношениях с родителями.

После получения диплома экономиста, которое последовало вскоре после жутких событий, связанных с Удбурдом, Илья впал в затяжную депрессию. С несколькими фирмочками, в которых он подрабатывал приходящим бухгалтером, как-то само собой сложилось расстаться, а для поисков нового, постоянного и солидного места работы у Ильи банально не хватало ни сил, ни желания.

Каждое утро в квартире Приваловых теперь начиналось с маминого монолога:

– Илюша! Как у тебя с работой? Ты звонил в кадровые агентства? А резюме ты составил? Имей в виду – я не попрекаю тебя, но все же пора бы задуматься и о своем материальном статусе. Мы с отцом не вечные...

Невечный отец мать тут же поддерживал, давя на самолюбие сына:

– Посмотри, Илюха, как твои одноклассники, говоря современным языком, приподнялись! Они времени не теряют! Машины, квартиры... У многих уже по второму ребенку. Вот что значит грамотно созданная материальная база!

После упоминания о детях опять подключалась мама. Это был ее второй сольный выход с драматическим уклоном:

– Илюшенька, сынок... Ты пойми – мы ведь уже не молодые. Да и ты не юноша, кстати. Ты о личной жизни-то что думаешь? Ну не век же тебе бобылем ходить... Я вот смотрю – неприкаянный ты какой-то. Это потому что неженатый! Семья – великое счастье, уж поверь мне! Ты у нас парень видный, самостоятельный, с профессией.

– Мама, ну не могу же я жениться вот так, с бухты-барухты! – горячился Илья. – Что мне, с плакатом ходить: «Ищу жену»?

– С плакатом не надо, – с серьезным лицом вмешивался Александр Иванович, – просто обращай больше внимания на девушек. Свою половинку ты узнаешь из тысячи...

– Да уж. Сразу вспоминается переделанная песня «Корней», очень подходящая в качестве гимна для судмедэкспертов: «Ты узнаешь ее из тысячи. По ушам, по фрагментам задницы!» – пытался отшучиваться Илья, но мать была настроена решительно:

– Может, ты знакомиться стесняешься? Хочешь, я тете Вале Проскуриной позвоню? У нее три племянницы, одна другой лучше... Сходим в гости, пообщаемся...

Итог подобных разговоров всегда был один – Илья фыркал, злился и убредал в свою комнату. Там, окинув взором полки с книгами, пыльную деку музыкального центра и не менее пыльные телевизор и монитор компьютера (убираться у себя он никому не разрешал, а сам давно уже не брал в руки ни пылесос, ни тряпку), Илья ложился на кровать, закидывал руки за голову и тупо рассматривал трещины на потолке.

Самое печальное во всей этой истории было то, что родители с их искренним беспокойством за судьбу сына всегда попадали в точку. Илья и сам постоянно думал и о работе, и об отношениях с противоположным полом.

Но словно некое черное проклятие повисло над его головой – с работой ничего не получалось, а девушки... Всех их для Ильи заменила одна-единственная, и как на грех, именно та, с которой, он был убежден в этом, у него никогда ничего не будет...

Яну Коваленкову после памятного и донельзя идиотского разговора у разобранного пулемета в подzemелье графа Торлецкого и битвы с Удбурдом в Дарвиновском музее Илья видел всего четыре раза на пятничных чаепитиях, которые устраивал граф.

Традиция эта вскоре прервалась. Первым «отвалился» Зава – улетел в Лондон. Затем майор Громыко, уволившийся из органов, сообщил, что нашел работу, о которой мечтал всю жизнь. Таинственное это заявление он сделал по телефону, после чего исчез и с тех пор не появлялся.

Вслед за своим бывшим начальником пропала и Яна. Илья попытался навести справки, но все, что ему удалось выяснить, – что лейтенант Коваленкова подала рапорт с просьбой об увольнении и ныне находится в отпуске за свой счет.

Беда была еще и в том, что даже на чаепитиях Илья с Яной так и не поговорил, не объяснился. Всякий раз, когда представлялась возможность переброситься парой слов или вместе покинуть гостеприимный бункер графа, что-то мешало Илье. То Яна торопилась, то Громыко оказывался рядом, то Торлецкий отвлекал какими-то важными вопросами.

Словом, Илья грезил Яной Коваленковой, но все вокруг было против него...

...Увлечшись своими малорадушными воспоминаниями, Илья чуть не проехал собственную остановку.

Ввалившись в пустую квартиру – родители по случаю буднего дня находились на работе, – Илья с отвращением скинул в прихожей изгвазданное мокрое пальто, снял раскисшие ботинки и, оставляя на ламинате влажные отпечатки, прошлепал в ванную.

Умыв ледяной водой почему-то горящее, словно от нестерпимого стыда, лицо, он почувствовал себя много лучше и без колебаний сунул под кран взлохмаченную голову.

Спустя несколько минут, поставив ботинки сушиться, повесив пальто на плечики и поменяв носки, Илья, сжимая в руке многоэтажный бутерброд, сидел перед гудящим компьютером, дожидаясь соединения с Интернетом.

Количество сайтов, так или иначе связанных с трудоустройством, его несколько озадачило, но ненадолго.

– А, была не была... – прошамкал Илья набитым ртом и сунулся в первый попавшийся портал «Работа в Москве».

То, что бухгалтер сегодня – одна из самых востребованных профессий, Илья знал и до посещения сайта, но он даже не предполагал, сколько рыцарей баланса, меченосцев дебита и паладинов кредита требуется столичным учреждениям, фирмам, компаниям и частным предпринимателям!

Порыскав в плотной массе объявлений о вакансиях, Илья опечалился. Работать простым бухгалтером ему не хотелось – скучно и противно, ибо практически всегда работа эта связана с обманом государства в той или иной форме.

– Т-э-экс... А посмотрим-ка мы, что ты нам выдашь на запрос «финансовый директор»... – сказал Илья монитору и защелкал клавишами, отложив ополовиненный бутерброд.

С финансистами дело обстояло намного хуже. Если они где-то и требовались, то с такими условиями, с такими оговорками... Одно только «опыт работы на аналогичной должности не менее пяти лет» чего стоило!

– Н-да-а... – протянул Илья, вновь берясь за бутерброд. – Обломись, моя черешня, все четыре колеса...

Он уже собрался закрыть страничку и вернуться к бухгалтерским вакансиям, как его внимание привлекло короткое объявление, поступившее на сайт позавчера: «В Межрегиональный институт анализа политических процессов требуется финансовый директор. Муж., не старше 30 лет, коммуникабельный, исполнительный, европейской внеш., опыт работы бухгалтером – от трех лет. Звонить с 9-00 до 14-00, спросить Антона». И номер сотового.

– О-па! – задумчиво прищелкнул языком Илья и вдруг почувствовал, как отступившие было ощущения легкого похмелья стремительно возвращаются. В голове зазвенело, кровь прилила к лицу, по спине побежали мурашки.

– Звони, дуралей! – прошептал кто-то ему в ухо. А может, странный мурлыкающий голос прозвучал прямо в голове? Илья дернулся, быстро оглянулся, вскакивая со стула, – никого... Ему стало страшно. Дожил – слуховые галлюцинации.

Усевшись на стул, Илья посмотрел на экран, еще раз перечитал объявление. Что-то в нем было не так. Что-то настораживало, лезло в глаза, мешало... Но что?

«Да не будь рохлей! Ты что, корову проиграешь, если позвонишь? – сам у себя спросил Илья и сам же ответил: – Нет, но... Объяве-то уже три дня, давно уже, наверное, взяли человека...»

Внутренний диалог продолжился еще какое-то время и увял, зайдя в логический тупик – переспорить сам себя Илья не смог. Он встал, подошел к зеркалу, внимательно посмотрел на себя – обычное лицо, каких тысячи, обычные глаза, каких не меньше. Волосы, нос, рот, уши... Вполне европейская внешность. И опыт бухгалтерский у него как раз трехлетний. И времени сейчас уже половина десятого. И вообще...

Короче, Илья решился.

Закусив губу, он снял с пояса мобильник, быстро набрал номер и, выслушав всего три длинных «и-и-ип», в ответ на: «Здравствуйте!» выпалил:

– Добрый день! Мне бы Антона...

– Антон слушает.

– Я по объявлению, насчет финансового директора...

– М-м-м... – протянула трубка писклявым мужским голосом, – одну минуточку, я соединю вас со Львом Геннадиевичем...

Неведомый Лев Геннадиевич, в противовес не менее неизвестному Антону, оказался обладателем приятного, обволакивающего баса. Он кратко осведомился о трудовой биографии соискателя и вдруг задал вопрос, изумивший Илью до потери дара речи:

– А вы вот, Илья, финансовыми потоками рулить умеете?

Волна необъяснимого озорства подхватила Илью. «Ты будешь здесь работать! – весело подмигнул он своему отражению в зеркале. – Сто пудов – будешь!»

Вслух же сказал, с трудом сдерживая смех:

– Конечно, Лев Геннадиевич. Скажу вам без ложной скромности – у меня есть немалый опыт именно в этом деле...

* * *

Межрегиональный институт анализа политических процессов оказался двумя комнатами в огромном офисном здании на Красной Пресне. В первой сидел за навороченным плоским монитором субтильный белобрысый юноша с анемичным лицом и родинкой над тонкой верхней губой. Как и следовало ожидать, он оказался Антоном.

Во второй комнате за громадным черным столом, заваленным бумагами, восседал толстый лысый мужик, весь в щетине и с крупной бородавкой на складчатой шее, – Лев Геннадиевич.

Собеседование, на которое, собственно, и приехал Илья, начавшись с банальной игры в вопрос-ответ, вскоре превратилось в монолог хозяина кабинета и по совместительству – директора института, посвященный политическим технологиям на пространстве СНГ.

К середине запутанной и сдобренной невероятным количеством цитат речи Льва Геннадиевича Илья уяснил главное – контора эта занимается выборами. Под каждый выборный проект набирается группа пиарщиков, выбивается бюджет, и при этом, по словам директора, «поскольку политические технологии – вещь чрезвычайно тонкая и непредсказуемая, гарантированного результата от нашей работы может ждать только полный идиот. К сожалению, как говаривал сэр Артур Доули, идиоты встречаются во властных коридорах не менее часто, чем везде...»

От Ильи же требовалось следующее – после того как институт начинал работать над новым проектом, необходимо было создать несколько левых фирм, открыть в банке счета, быстро перевести туда полученные под проект деньги, открыть еще несколько фирм, раскидать деньги по их счетам, старые фирмы «убить», а деньги либо обналичить, либо перевести за рубеж.

– Лев Геннадиевич, а вам не кажется, что ваша схема несколько... устарела? – внутренне посмеиваясь, спросил Илья.

– Зато она работает без сбоев и не раз выручала наш институт, когда некоторые нечистоплотные заказчики пытались обмануть нас, скромных политологов, – пробасил директор, сплетая толстые волосатые пальцы, украшенные несколькими крупными перстнями, в некий хитроумный узел.

Илья поинтересовался размерами своего вознаграждения. Начали с трех процентов, закончили семью. «Разумеется, Илья, со временем, если мы с вами сработаемся, этот процент, без сомнений, вырастет. Имейте это в виду!» – веско отметил Лев Геннадиевич. На том и порешили.

– Вы, Илюша, приходите в пятницу. Ваш предшественник как раз подготовит все документы, и вы сможете принять дела. Да, и получите у Антона авансик, подъемные, так сказать. Десять тысяч рублей вас устроит?

– Вполне... – несколько ошалело кивнул Илья.

– Ну и отлично! Антоша также оформит вашу трудовую и заведет карточку...

– Простите, Лев Геннадиевич... – Илья уже на пороге кабинета обернулся, – могу я узнать, почему увольняется мой предшественник? Чем он вас не устроил?

– А вот с ним мы как раз не сработались... – уклончиво ответил директор института...

...День давно перевалил за половину. Заметно похолодало, и вся та влага, что пролилась на город утром, в соответствии с законами природы поменяла свое агрегатное состояние, попросту замерзнув. Улицы столицы превратились в сплошной каток.

Поминутно поскальзываясь, Илья спешил к станции метро «Краснопресненская» в самом приятном расположении духа. И тут запиликал мобильник. Еще не достав трубку из кармана, Илья уже знал – звонит Зава. Дивно обострившееся после свидания с тварями Хтоноса чутье его не подвело – это и впрямь оказался бывший Наблюдающий Великого Круга Вадим Завадский.

Разговор двух друзей уместился в одну минуту:

– Привет! Илья, мне надо с тобой поговорить...

– О чем? Ты все сказал...

– Ты пойми...

– Да не хочу я ничего понимать!

– Поверь, так будет лучше для всех! И ты, и остальные... Вы же не сможете жить, зная, что мир совсем не такой, каким кажется!

– Дурак ты, Зава! – хмыкнул Илья в трубку. – Разве дело в этом?

– А в чем же?

– Н-да-а... Работая у Пастырей, ты и впрямь поглупел, Вадик... – Илья сказал это почти ласково и тут же вспылел, заорав в телефон: – С чем и как мне жить – могу решать только я! Я! И никто другой! Понял?!

И не слушая горячо заговорившего в ответ Заву, Илья отключился...

* * *

Он проснулся посреди ночи. Уличные фонари подсвечивали темную комнату неживым, ртутным светом. На потолке плясали изломанные тени от растущих под окнами лип и кленов.

Бешено колотилось сердце, во рту пересохло. Илья с трудом сел на кровати, повертел головой. Ему только что приснился странный, жуткий и нереальный сон. В сне присутствовал Вадик Завадский, с которым Илья рассорился в пух и прах, какие-то монстры, кишмя кишящие в адском котле, толстый волосатый пройдоха, для которого Илья отныне должен был отмывать деньги, и крысы, постоянно путающиеся под ногами...

«А ведь это все не сон! – в панике подумал Илья, постепенно приходя в себя. – Что со мной такое? Что происходит? Я... Я сошел с ума? Я, как это... неадекватен? Что я творю? Что?!»

«Успокойся... – мягко промурлыкал в голове чей-то неизвестный голос. – Ты должен гордиться собой! Ты снова стал человеком, сильным и свободным!»

– Мама! – вслух произнес Илья и вздрогнул, как будто его дернуло током. – Вот уже и голоса мерещатся...

«Дурашка. Страх – это всего лишь химические реакции в твоём организме. Ну все... Ну перестань бояться! – ласково пропел все тот же голос. – Встряхнись! Ты же мужчина! Воевал! С мертвецами сражался! Давай, будь нормальным, будь мужиком!»

Илья рывком вскочил, пошатываясь, через темный коридор прошлепал босыми ногами на кухню и присосался к носику чайника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.